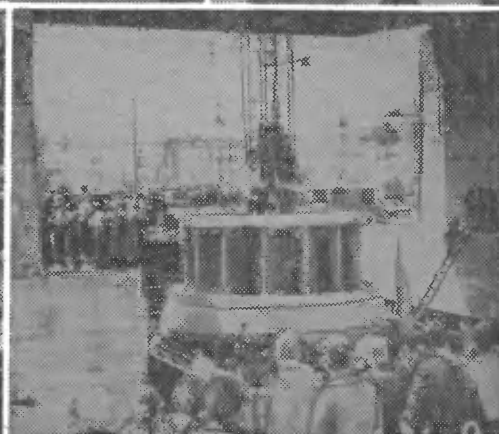
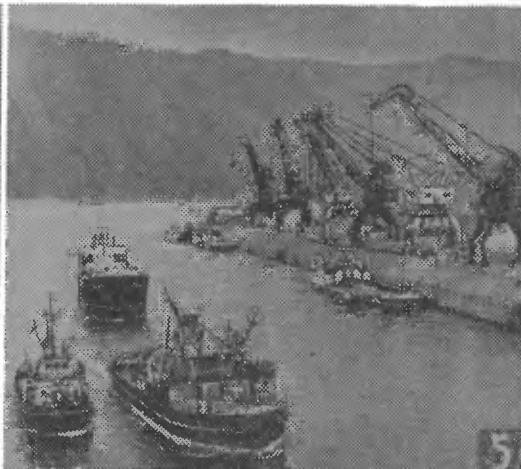

Искорка

СЪЕЗДУ СЛАВА!

Е Ж Е М Е С Я Ч Н И К
газеты «Ленинские искры» — орган
Ленинградского Обкома и Горкома ВЛКСМ,
Ленинградского Совета пионерской
организации имени В. И. Ленина

М. Бакаев

Март. Съезд

Их было только девять делегатов,
Собравшихся на первый съезд когда-то...

Из Петербурга, Киева, Москвы
Они до Минска добирались тайно,
Вмиг растворяясь в толчее вокзальной,
Нырять в подворотни с мостовых,
Обманывая ротмистров жандармских,
Вводя в недоумение шпикиков...
Но не страшась ни грозных тюрем царских,
Ни ссылок, ни этапов, ни оков.

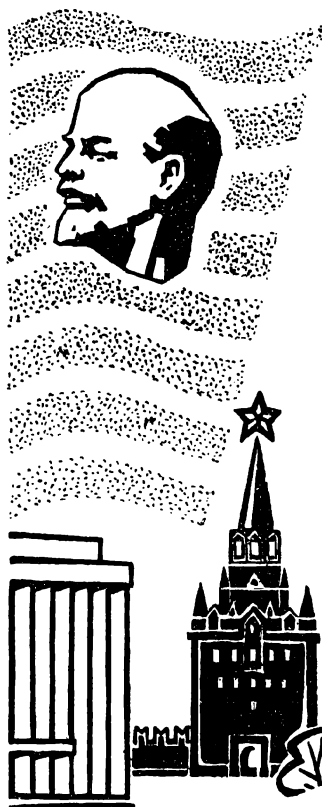
Со всей большой страны их было девять
В тот первый день весны, в далёкий год.
Всё твёрже начинали люди верить,
Что лишь в борьбе их светлый день придёт.
Всё шире, неумолчно, непреклонно:
— К свободе! К счастью! — разносился клич.
В далёкой ссылке шушенской Ильич
Мечтал о партии рабочей, всенародной.

И, если б время повернуть назад
И, с делегатом встретившись в те годы,
Спросить: «Чего ты хочешь, делегат?» —
Сказал бы он: «Свободы для народа!»
В Москве-столице — Двадцать третий съезд.
Идёт проверка выданных мандатов,
В просторном зале нет свободных мест,
Дворец огромный полон делегатов.

Спроси любого, кто пришёл сюда
С полей просторных, с нового завода:
«Чего ты хочешь?»

И в ответ тогда
Услышишь ясно: «Счастья для народа!»

Могуча наша партия, сильна.
В огне боёв, в трудах великих буден,
Всегда, повсюду цель её ясна,
Всегда одна:
большое счастье — людям!

ПЛАВАНИЕ «ЛОДЬМЫ» И ДВУХ БОГАТЫРЕЙ

(К фотоснимкам на 2-й странице обложки)

В ЛЕНИНГРАДЕ заводские гудки давно уже не мешают людям, автомобили не сигналят, трамваи не звонят, а тут вдруг такое!..

Случилось это в первом часу ночи 6 июля 1965 года. Над городом тихо плыла белая ночь. По проспектам уже почти перестали шуршать покрышки автомашин, троллейбусы разъезжались по своим паркам отдыхать до утра. Люди — большие и маленькие — тоже крепко спали.

И вдруг над Невой раздались пронзительные гудки! Ревели они не минуточку-другую, а добрых часа полтора. Ревели, медленно продвигаясь вдоль гранитных берегов...

Вверх по рене шёл океанский лихтер «Лодья». Портовые тягачи «Орион» и «Махачнала» старательно буксировали «Лодью», мосты спешно разводили свои пролёты, волны бежали к берегам, словно торопясь сообщить о чём-то очень важном.

Когда проходили мимо Металлического завода имени XXII съезда КПСС, с моста на «Лодью» на берег понёсся зычный голос, усиленный мегафоном:

— Металлисты! Готовьте следующих пассажиров!

Как ни странно, нарушителей ночного спокойствия никто не ругал. Напротив, к ним было проявлено большое внимание. Целый месяц о них писали большие и маленькие газеты страны. На Свири, Ладоге, Онеге, в Белом, Баренцевом и Карском морях их встречали, как дорогих гостей. Особой любовью команду лихтера окружили на многокилометровом пути по стремительному Енисею: белоснежные «ракеты» на подводных крыльях сопровождали корабль, жители тайжных сёл и городов дружно приветствовали:

— С благополучным приходом в Сибирь!

— Здравствуй, «Лодья»!

Небывалый это был рейс. История мирового мореплавания подобных ещё не знала.

Да и сами посудите. На Ленинградском Металлическом заводе имени XXII съезда КПСС несколько лет создавали невиданные, уникальные гидротурбины для Красноярской ГЭС. Каждая из них равна мощности целого Днепрогэса! И таких гигантов — десять! Сердце каждой турбины — рабочее колесо — огромно, оно весит 250 тонн.

И вот такие-то громадины надо переправить на Енисей, на новую строящуюся ГЭС.

Даже если разрезать рабочее колесо на четыре части, то каждая из этих частей оказалась бы «неперевозимой» для железных дорог.

— Для таких «четвертинок», — рассказывал заместитель главного конструктора гидротурбин Металлического завода имени XXII съезда КПСС М. И. Гальперин, — пришлось бы изготавливать специальные платформы и по пути следования останавливать всё встречное движение от Ленинграда до Красноярска. А потом ещё для сборки рабочих колёс на Красноярской ГЭС понадобилось бы соорудить целый завод! Представьте, сколько это стоило бы государству!

И тогда работники Центрального проектно-конструкторского бюро Министерства морского флота СССР предложили совершить небывалую в практике мирового судоходства транспортировку. Они подобрали судно, которое могло бы пройти по рекам Неве, Свири, Енисею и без риска совершило бы плавание по арктическим морям. Этот смелый замысел проектировщиков позволяет экономить на доставке каждой пары рабочих колёс 250 тысяч рублей.

На Свердловской набережной города Ленина было приостановлено всё движение. У ворот Металлического завода собралось множество людей.

И вот из завода на специально сконструированных самоходных тележных выехала гигантская стальная «роза» (снимок 1). Люди казались совсем крошечными рядом с металлическим «цветком». Да и не мудрено: лишь каждый вертикальный «лепесток» — лопатка — весит пять тонн! Эти лопатки, а также 45-тонные половинки верхних ободов отлили ленинградцам металлурги Ново-Краматорска. Два первых рабочих колеса — «детища» ленинградцев и новокраматорцев — были погружены в специально подготовленные трюмы архангельского лихтера «Лодья», который двинулся в далёкое плавание за три моря...

Я тоже участвовал в этом удивительном переходе.

Плавание проходило в очень сложных условиях... Свирь. От проливных дождей убыстрилось течение. Буксировщик «Нанин» не осилил его под железнодорожным мостом между нижней и верхней Свирскими гидростанциями. «Лодью» потащили на намы. Угроза создалась серьёзная. Сзади караван догнал агиттеплоход Северо-западного речного пароходства «Ленинградец». Его капитан по собственной инициативе приказал подать трос и помог буксиру вывести «Лодью» из опасного места...

Беломорский канал. Почти стометровый океанский лихтер (снимок 2) один занимал весь шлюз. При заходах судно приходилось удерживать на месте металлическими, в руку толщину, тросами. Но и сталь не всегда выдерживала трёхтысячтонную нагрузку. Порою тросы лопались, как нитки.

Белое и Баренцево моря. Они встретили нас шестибалльным штормом. Волны в трёхэтажный дом высотой швыряли «Лодью», как щепку. Океанский буксир-спасатель «Тритон», который тянул лихтер, черпал воду фальшбортами. В это время боцман «Лодьи» Саша Никитчун обнаружил во втором трюме, где помещался 250-тонный «пассажир», воду. Она случайно попала через воздушные раструбы. Молодые матросы Костя Косовский, Лёша Веселов и другие вручную откачивали воду несколько дней, хотя шторм был очень сильным.

На «Лодье» подобрался дружный экипаж (снимок 3). Капитаном здесь был Яков Иванович Соболев — наставник Северного пароходства. Он более четверти века проплавал в Арктике и в совершенстве изучил северные условия. Многие моря и океаны мира исходили на судах старший механик Борис Евгеньевич Зотов, матросы и машинисты Станислав Пильянов, Николай Мулгачёв, Альберт Ситников и другие.

Работали, как говорится, засучив рукава. Перед выходом в море тщательно задраивали трюмы, проверяли крепления колёс-гигантов и двух масляных ванн по 20 тонн каждая. Особенно трудно приходилось в Беломорском канале. Здесь нужно было пройти 19 шлюзов, из которых 17 двухкамерные. Лихтер сперва поднимали на 72 метра вверх, а затем более чем на 100 метров опускали. Следить да следить приходилось матросам, нередко забывая о сне.

Небывалый поход «Лодьи» вызвал интерес многих людей. Например, петрозаводские артисты, узнав о прохождении лихтера, более двухсот километров догоняли нас автобусом и дали на палубе весёлый концерт. У выхода в Белое море навстречу нам попался калининградский лесовоз «Балтийский-16». Его команда выстроилась вдоль борта и передала:

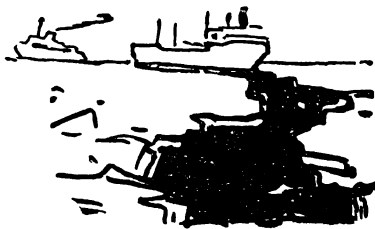
— Счастливого плавания в Дивногорск! Передайте привет покорителям Енисея!

Незабываемое зрелище посчастливилось увидеть команде лихтера у пролива Карские ворота. Это случилось в ноль часов. Над северным полюсом висело полночное солнце. Оно выжелтило голые скалы островов Новая Земля и Вайгач, золотыми слитками забросило поверхность океана (снимок 4), ослепительными блёстками посебрило лежащие на горизонте первые льды «ледяного погчеба», как прозвали Карское море полярные исследователи.

И вдруг над Карским проливом с острова на остров перекинулась многоцветная арка радуги. Настоящие распахнутые ворота!

— Необычайное предзнаменование, — покачал головой даже такой «морской волк», как капитан Я. И. Соболев.

Пять суток затем продолжалось наше плавание во льдах. Голубые поля были так велики, что не было видно ни конца, ни края. Мурманские ледоколы «Капитан Белоусов» и «Капитан Воронин» вынуждены были

взять «Лодьму» на свои буксиры и крушить льды до самого острова Белый...

Затем навстречу лихтеру потекли енисейские воды. И сильная же эта река! По подсчётам учёных, в нашей стране протекает более миллиона больших и малых «голубых вен» земли. Они несут и сбрасывают ежегодно в моря и океаны 1800 миллиардов кубометров воды. И одна седьмая часть этого колоссального количества влаги принадлежит Енисею!

Неделю мы поднимались навстречу течению, видели речную ширь в 70 километров у Широкой переправы, что ниже Усть-Порта, любовались незабываемой красоты островами «Кораблики» под Туруханском, прошли зна-

менитые Абалаковские Казачинские пороги, где течение достигает десятков метров в секунду.

Ровно через месяц после отплытия из Ленинграда «Лодьма» подошла к Дивногорску. Все берега и скалы вокруг были украшены флагами и плакатами: «Добро пожаловать, моряки Севера!», «Ура ленинградским турбостроителям и команде „Лодьмы“!» Небывалый путь Невы—Енисей был освоен... (снимок 5).

Горячую встречу назвали морякам покорители сибирской реки. Десятки тысяч людей собрались у плотины (снимок 7), когда буксировщик «Красноярский рабочий» подвёл к специально построенному причалу океанское судно. И едва лодьмовцы подали на берег стальные швартовы, громоподобное «ура!» эхом отразилось от скал.

Много лет ждали строители Красноярской гидроэлектростанции этого события. Вспоминаю, каким торжеством был для них летний день 1956 года, когда в реку с самовала сбросили первый камень с надписью: «Покорись, Енисей!» Вспоминаю, как мой друг Владимир Полищук со своей бригадой три года назад положил первый бетон на гранитное дно реки...

Ныне перед нами возвышалась уже восьмидесятиметровая плотина, перерезавшая неистовый Енисей. Он беснуется от натуги, но ничего не может сделать против воли советских людей...

Звуками оркестра встречали покорители Енисея моряков, доставивших из города Ленина первые рабочие колёса. Строители к этому времени уже углубились в енисейское дно на 35 метров. Сотни тысяч кубометров снапы выбросили они отсюда, чтобы подготовить гнезда первых двух агрегатов.

На причале моряков встретил начальник Красноярскгэсстроя Герой Социалистического Труда Андрей Ефимович Бочнин (снимок 6). Он сердечно поздравил экипаж «Лодьмы» с благополучным прибытием и объявил, что за осуществление первой в мире перевозки таких гигантов команда лихтера зачисляется в почётные строители Красноярской ГЭС. Экипажу судна были вручены почётные грамоты и преподнесён манет Красноярской гидроэлектростанции...

Для поднятия тяжёлых колёс красноярский завод «Сибтяжмаш» изготовил специальный мостовой кран грузоподъёмностью 260 тонн. Опытнейший крановщик В. Василистов осторожно поднял из трюмов один за другим агрегаты и установил их на подготовленные места (снимок 8). Так закончилась эта первая перевозка через Арктику небывалого прежде груза...

Сейчас «Лодьма» вернулась в Ленинград и зимует на Канонерском заводе. Её команда снова готовится к новому плаванью в Сибирь будущим летом. Готовят ей стальных «пассажиров» и на Металлическом заводе. И если, ребята, в июле вы проснётесь однажды от зычных гудков «Лодьмы», когда она отправится во второе плавание, то не сердитесь на моряков за нарушенное спокойствие. Лучше пожелайте им доброго пути.

Геннадий ДЕМЕНЧУК,
матрос лихтера «Лодьма»

Ленинград — Дивногорск — Ленинград

Улуру Адо

П р о в о д а

О, как много
вас над нами —
проводов!
Словно выткал вас
паук — искусный ткач.
Вы, протянутые
в несколько рядов,
словно вешала¹
для радостей, удач!
Светом Ленина
вы трепетно полны,
ярким светом
одаряете вы всех,
чтобы дети
были с песнями дружны,
чтобы всюду
раздавался звонкий смех.
Словно тонкая
работа паука,
протянулись над тундрой
провода,
как тропинки,
что бегут издалека
и притягивают счастье
к нам сюда.

УЛУРУ АДО — первый поэт-юнгаир. Юнгаиры — это народ, живущий далеко на севере, в Восточной Сибири, по верхнему и нижнему течению Колымы.

Родился Улуру Адо в тундре, в семье колхозника-оленовода, в 1938 году. После школы он приехал в Ленинград, окончил здесь Педагогический институт имени А. И. Герцена и сейчас занимается в аспирантуре.

¹ Вешала — приспособление для сушки шкур, замораживания рыбы.

З а р я

*Солнцева невеста белолицая,
встала зорька рано поутру, —
отдирает острою скребницей
с небосвода чёрную мездру¹:
чтобы солнце поднималось
бодро,
чтобы целый день стояло ведро...*

¹ Мездра — изнанка невыделанной шкуры.

Коммунисты!

*Так и в нашем деле:
гоним прочь неравенство,
потёмки,
чтоб землёй уверенно владели
наши ясноглазые потомки.*

Перевела с юнгаирского
Н. СЛЕПАКОВА

Б У К Е Т

Конечно, Лёша Сидоров и раньше делал подарки. Но это было всё-таки совсем не то... Все делали, и он делал. Писал на открытках «Поздравляю» или клеил альбом. Все клеили, и он клеил.

А теперь он решил сделать подарок сам. И даже никому ничего не говорить. Не маме подарок, не учительнице, а Ольге Васильевне, библиотекарше. Совсем недавно приехала она к ним в сельскую школу, скучно ей, наверное, в деревне. А тут ещё и Васька Михеев. Кто его просил новую книжку портить? Лёша сам видел, как взял Васька интересную книжку про зверей и раскрасил в ней все картинки. Лисе он приделал зелёный хвост, волка чем-то синим размалевал, а зайцу нарисовал красные уши и такую же красную трубку в зубах.

Потом Лёша видел, как Ольга Васильевна долго стирала резинкой Васькины художества и тихо плакала.

Ну, Ваське он задал как следует. А Ольга Васильевна?..

Вот поэтому Лёша и решил ей что-нибудь подарить к Восьмому марта.

Только что?

До Восьмого марта был ещё целый месяц, и Лёша решил, что придумает. Думал он каждый день. И ничего не придумывалось. Он знал, что в такой день женщинам дарят духи или какие-нибудь платочки. В школе опять собирались клеить альбом с открытками. Тоже подарок! Чепуха какая-то!.. Нет, надо что-то поинтереснее.

Недавно в деревне показывали кинофильм, а перед ним ещё киножурнал, Интересно! Там зимой в каком-то городе выращивали цветы. Не на улице, конечно, а в специальном огромном стеклянном доме. Но всё равно здорово! Цветы зимой! Если бы Лёша жил в этом городе, он непременно сходил бы в это стеклянное здание и попросил цветок. Хоть один. Всё равно бы это было здорово.

Если бы Восьмое марта было летом, тогда бы Лёша не стал и раздумывать. Сходил бы на луга и принёс Ольге Васильевне хоть целую охапку.

Но Восьмого марта будет ещё везде лежать снег. И оранжевых в их деревне тоже ещё не построили.

Поэтому-то Лёша и не мог ничего придумать.

Выручила мама.

Когда он рассказал ей про цветы, она тоже долго думала, а потом нашла какую-то книгу, почитала и сказала, что надо делать.

Сначала Лёша ни за что и верить не хотел такому. Но потом решил: была не была! Всё равно ведь другого он ничего не придумал.

На следующий день, прямо после школы, придумал он к валенкам лыжи, взял палки и — в лес.

А он хорош, этот зимний лес! Весь белый, чуть-чуть с голубинкой. Ветки берёз в тонком зернистом инее, а снег под ними весь в точечках — крестиках от семян берёзы. У ёлок самые богатые шубы — толстые, тёплые; на ветвях пушистые воротники, на макушке — мохнатые папахи.

Лёша доехал до поворота и свернул в чашу. Здесь идти было труднее: лыжня кончилась. Лыжи глубоко увязали в мягком рыхлом снегу, а палки

цеплялись за стволы и вместо того, чтобы помогать, мешали только. А то как стукнут по тонкому стволу — сразу на тебя сверху ком снега. Лёша втягивает голову в плечи, зажимуривается и скорее дальше.

Ярко полыхнули красным ягоды рябины. Они невысоко, протяни руку — и достанешь. В другое время Лёша непременно полакомился бы ими вволю, а теперь только прихватил одну гроздь, поймал ртом несколько ягод и даже глаза закрыл от удовольствия: вкусно!

Лёша хорошо помнил тот овражек, на который в мае словно белое облако опускается — цветёт черёмуха! А пахнет так, что даже в деревне слышно. Ветер доносит. Черемухи в овражке полно! Только теперь никаких тут зарослей нет. Голые стволы, редкие веточки — всё насквозь видно. Почки замёрзли, сморщились, смотрят своими остренькими шильцами в морозное небо.

А может быть, ошиблась мама? Ну разве может из этого что-нибудь получиться? Разве в такой холод проснутся ветки, разве хватит силы в сморщенных, спрятанных внутри листочках, чтобы разорвать плотную кожуру почек? Но раз уж пришёл, попробывать не мешает.

Лёша принялся от-

ламывать веточки. Замёрзшие, они легко поддавались и ломались с сухим треском.

Дома Лёша поставил веточки в бутылку, налил воды, поставил на окно, к свету, как советовала мама.

Теперь, просыпаясь, он первым делом бежал к окошку посмотреть, не показались ли листья. Но прошла неделя, а почки были по-прежнему тверды. Листья и не думали показываться. Спали себе и спали. Рано им ещё просыпаться — зима на дворе. Лёша уныло вздыхал и шёл в школу, теперь уже несколько не веря маминим словам.

Потом Лёша и к окошку подходить перестал. Чего смотреть-то?

Но однажды, вернувшись из школы, бросил он сумку с книжками на лавку и случай-

но взглянул на ветки. Посмотрел и ахнул: раздвинув, растолкав жёсткую кожуру, проклюнулись крохотные зелёные фитильки. Они были такие прозрачные, что даже просвечивали насквозь.

А ещё через неделю стали развёртываться листочки. Один, другой, третий, потом появились крохотные тугие шарики, все веточки окутались зелёным туманцем и даже стал чувствоваться слабый запах настоящей черёмухи.

А в школе ребята стали оставаться после уроков, мастерили цветные коробочки, придумывали, что бы написать на открытках. Лёша тоже клеил, писал, рисовал и про себя хитро улыбался. Когда его спрашивали, чего он сияет, он хмыкал, отворачивался и притворялся, что ничего, мол, просто так... Зато дома он долго любовался полураскрывшимися бутонами и думал, какая умная у него мама.

К самому празднику восьмого марта Лёшин букет покрылся цветами. Правда, это были не огромные и тяжёлые кисти величиной с ладонь, какие распускаются в мае на деревьях, но всё равно это были цветы. Настоящие! Зимой!

Накануне праздника Лёша ещё раз сбежал в лес на лыжах и принёс несколько гроздей рябины.

Утром на первом уроке ребята поздравляли Веру Константиновну. Подарили ей альбом с открытками и даже вышитую салфеточку. Это уж девочки постарались.

Лёша вместе со всеми громко хлопал учительнице, которая улыбалась и благодарила ребят. Потом тихо сидел на уроках, слушал новые правила по русскому языку. Но когда прозвенел звонок на большую перемену, Лёша пулей вылетел из класса и побежал домой.

Дома он вытащил ветки черёмухи из бутылки, положил рядом с ними красные гроздья рябины на оттаявших ветках, завернул букет в газету и, прикрыв его полкой пиджака, стараясь не измять, не поморозить, побежал назад.

Ольга Васильевна была в библиотеке одна. Она удивлённо взглянула на запыхавшегося Лёшу и недоумённо спросила:

— Ты откуда такой?

Лёша ничего не ответил. Он просто развернул газету и положил на стол перед Ольгой Васильевной белую пахучую черёмуху. Рядом с белыми цветами красным огнём пылала рябина. Словно сошлись вместе весна и осень, молодой май

и грустный сентябрь. Словно Лёша, как волшебник, перепутал времена года и выбрал самые красивые.

— Да откуда же эта красота? — только и сказала Ольга Васильевна.

— Это вам... в праздник... — смущаясь, пробормотал Лёша и заторопился из библиотеки.

А потом целый день в библиотеку к Ольге Васильевне приходили ребята, учителя, нянечка тётя Варя, даже сам директор Сергей Фёдорович. Все удивлённо разводили руками, ахали, улыбались и, наклоняясь к цветам, глубоко вдыхали удивительный, чуть горьковатый аромат.

В. Бойко

Несправедливость

— В класс больше не пойду! — к увещеваньям
глух,

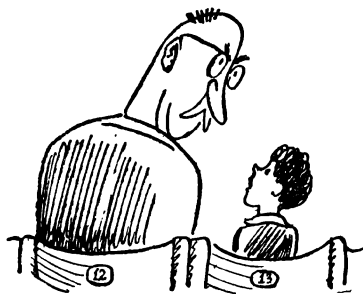
Андрейка-школьник заявляет бойко: —
Ещё я не умею сосчитать до двух,
А мне учитель мой уже поставил двойку!

Евгений Бандуренко

Похвалился

Сашко́ на утренник ходил
И стал хвалиться, гордо глядя:
— А я в театре говорил
С каким-то очень важным дядей!

— И что же дядя тот хотел,
Чего хорошего сказал он?
— Сказал, чтоб тихо я сидел, —
Иначе выведут из зала!

Перевёл с украинского
Б. КЕЖУН

РЫЖИЕ МУРАВЬИ ИДУТ К ПЧЕЛИНОМУ ГОРОДУ

МУРАВЕЙ по кличке Хло был послан проверить дорогу.

— Ты, братец, проворный, — говорил ему всеми уважаемый муравей Ти-Аха. — К тому ж и места с прошлого года помнишь. Сбегай, пошарь, может, сбились мы...

Армия рыжих лесных великанов собиралась напасть на пчёл.

И вот, прячась в траве от птиц, Хло уже спешит обратно к своим. Торопится сообщить, что идут они правильной дорогой.

Он бывал здесь прошлым летом. Тогда рыжие разведчики нечаянно-негаданно набрали на пасеку. Хотели медком побаловаться, да все и погибли. Спасся один Хло. Долго плутал он, раненый, обессиленный, прежде чем добрался до своего муравьиного города. Сообщил страшную вест. Вначале ему не поверили, что отряд перебили какие-то чёрные муравьишки. Ведь город

рыжих был великий, население его огромно. Никак невозможно подумать, что чёрные малявки могли справиться с отрядом лесных великанов. Тогда Хло вытянул из-под себя поджатую ногу. К ней словно приклеилась голова чёрного муравья. С трудом разможили череп, разжали намертво стиснутые челюсти и освободили наконец изуродованную ногу бедняги Хло. Смазали лекарственным соком. Санитары проводили разведчика в нижний ярус города, поместили возле двух пузатых тлей и велели отдыхать, вдоволь есть и поправляться. Хло доил тлей и вволюпил их сладкое молоко. К осени он поправился. Погода была дождливая, и на военном совете решили отложить поход на пчёл до будущего лета.

И вот время настало. Слегка прихрамывая, Хло шустро бежал впереди своей армии, показывая дорогу. Переход через суходол занял немало времени. Здесь густо рос вереск. Ближе к осени он зацветёт, и на его мелких бледно-розовых цветочках с утра до ве-

чера будут копошиться пчёлы. За вересковыми полями раскинулось болото. Правда, от жары оно давно пересохло. За болотом лежала огромная луговина. Тут польщит огненными фонтанами иван-чай. Нема-

вого Слизня на свет божий и тут его быстро распотрошили.

— До чего ж вкусное мясо у этого бездельника! — смеялись муравьи, уплетая жирные куски.

На губах Хло поблёскивал жир.

— Только аппетит раздразнили, — вор-

ло сил потратил Хло, продираясь сквозь заросли багульника. Неожиданно путь ему преградило давно упавшее и наполовину сгнившее дерево. Хло остановился. Потом стукнул себя по затылку, воскликнул:

— Да ведь это же осина! Я и забыл про неё.

Он взбежал на ствол гнилой осины и сразу же наткнулся на крупного Слизня. Тот прятался от солнца в лунке, которую, должно быть, проделал в свое время жук Короед. Хло тотчас позвал на помощь своих, благо они были рядом. Рыжие выволокли неповоротли-

чали те, кому мало досталось.

Опоздавшие принялись тщательно обшаривать гнилое дерево. Под отставшей корой дремала гусеница. Её вмиг ощипали.

— Это, братцы, Дубовый Шелкопряд! — воскликнул Хло. — Его мясо вкуснее тараканьего! Клянусь своими жвалами! — выставил он напоказ острые челюсти и мелкие зубы.

Никто не возражал. Хло — опытный муравей, немало прожил и давно считался круп-

ным знатоком по части гусениц. Даже всеми уважаемый старый Ти-Аха, взглянув на заколотого Шелкопряда, благосклонно кивнул.

— Да, это отличнейшая штука, ребята, — нараспев произнёс Ти-Аха и приказал разделить гусеницу.

Десятки муравьиных жвал тотчас жадно в нее вцепились.

Разделив лакомые куски Дубового Шелкопряда и проглотив их с величайшей быстротой, рыжие разбежались по мягкому сырому стволу осины.

Ти-Аха остался сидеть на своём месте в полутени и удовлетворённо поглаживал вздувшийся живот. Ему, как главному, всегда выделяли тройную порцию.

Новые поиски пищи были, однако, малоуспешными. Кроме двух мелких мокриц и одного тощего Выползка, ничего не удалось найти.

— В поход! — отдал приказ Ти-Аха.

Хло побежал впереди. Ему опять посчастливилось. Наткнулся на Комара. Похоже, накануне Комар вдоволь насосался крови, и теперь валялся в траве, как пьяный. Раздулся, словно паук, съевший сотню мух. Нос его издавал тонкие свистящие звуки.

Проткнув бока кровопийцы, рыжие лесные великаны вмиг опорожнили эту живую бочку.

Вытирая усы, Хло солидно заметил:

— А кровушка-то лосиная. По вкусу угадываю. Прошлым

летом мне также доводилось брать комаров,

Вскоре на пути встретился овраг. Быстрый поток воды катился по его дну.

— Где переправа? — нараспев закричал Ти-Аха.

Хло метнулся влево, потом повернул вправо и скоро увидел мост.

— Вот здесь она! Сюда, сюда! — отзывался он на певучий голос главаря.

Лучшего моста для муравьиной армии и быть не могло. Кем-то сломанная сухая ветка ивы лежала над оврагом. Через какой-нибудь час тысячи рыжих воинов уже были на другом берегу.

Заросли кончились. Показалось одинокое обгорелое дерево.

— Ура! — закричал Хло. — Это сосна. Ее обожгла молния. Отсюда, если мне не изменяет память, до пчелиного города рукой подать. Надобно идти в ту сторону, куда листья всех деревьев всегда повернуты. За мной!

Теперь рыжие муравьи двинулись по равнине, которая поросла буйными травами. Кое-где попадались одинокие берёзки. Рыжие муравьи определяли, куда повернуты листья этих берёзок, и безошибочно двигались на юг.

— Кто из вас хоть раз пробовал мёд? — обратился Хло к собратьям. — Эге-е, вижу, никому не доводилось. А вот я однажды ел. Ай! — схватился он за бока, — до чего ж

вкусно! — И Хло начал с жаром рассказывать про пчелиный мёд. По его словам получалось, что мёд никак нельзя сравнить по вкусу ни с какими гусеницами и слизнями, не говоря уже о всяких там мокрицах и выползках.

Некоторые, не в меру горячие и прыткие рыжие муравьи, особенно из молодёжи, так и рвались вперед.

— Не спешите, друзья, — успокаивал их Хло. — Клянись своими жвалами: до захода солнца мы будем на месте...

— Но там, — обратился к рыжим воинам грозный Ти-Аха, — придётся поработать как следует. Даром нам мёда никто не уступит. За каждую каплю придётся драться.

Наконец армия подошла к рогатой столетней липе. По утверждениям Хло, возле неё и стоял пчелиный улей-город.

Хло первый стремительно поднялся наверх и тотчас общил:

— Вижу город! Он голубого цвета!.. Тут и погиб в прошлом году наш отряд.

Всеми муравьями уважаемый Ти-Аха тоже поднялся на липу.

— Значит, — обратился он к Хло, — чёрные малявки там? — Ти-Аха указал на пчелиный город.

— Так точно! — вытянулся Хло в струнку. — Одни из них живут под этим городом в земле. А другие где-то между его двойных стен устроились. Один из наших прошлым го-

дом перед своей смертью даже побывал в нём. У чёрных там настоящий дворец. Должно быть, и штаб их в этом дворце.

— Значит, они неплохо устроились?! — гневно сказал Ти-Аха. — Рядом с пчёлами. Едят мёд. Да и тепло им за деревянными стенами...

— Похоже, так, — хором отвечали стоявшие поблизости рыжие воины.

— Эй, братцы! — закричал Ти-Аха. — Что же, мы хуже чёрных малявок?! Быть того не может!..

— Быть того не может! — отозвалась многотысячная армия.

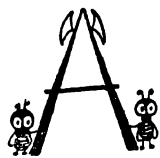
— Поэтому слушайте мои приказания, — нараспев закончил Ти-Аха перед замершей армией. — Сейчас большой привал!.. А утром, чуть свет, всем точить жва-а-лы... Перед нами противник: чёрные муравьи, а также пчелы-ы!.. Приказываю: пчёл не убивать!..

Вскоре лесные рыжие великаны сплошь облепили ствол старой липы, сбились плотнее друг к другу.

Хло чувствовал, как кто-то навалился ему на шею, ещё кто-то на живот, другие давили на ноги. Но это нисколько ему не мешало. Потому что он был муравей и тела собратьев согревали его.

Солнце закатилось за горизонт, и армия рыжих погрузилась в сон.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ПЧЕЛИНОЙ МАТЕРИ

В ЭТО УТРО в Голубом городе происходило вот что: ещё с вечера на Восьмой улице начала собираться многотысячная пчелиная толпа. Туда уже трудно было протиснуться. Часть Глухой стены, в которую упиралась улица, сплошь облепили желающие увидеть рождение Пчелиной Матери. Ещё её называют Пчелой Трутневной и считают мудрейшей из мудрейших, умнейшей из умнейших. Она — глава пчелиного рода.

Рождение Пчелиной Матери не всем доводится при жизни увидеть. Потому что у простой пчелы жизнь коротка. Всего каких-нибудь тридцать — сорок лет, если, конечно, один пчелиный год равнять с днём жизни Человека. Вот почему тысячи работниц, услышав торжественные возгласы, заспешили на Восьмую улицу.

А в это время родилась одна обыкновенная пчёлка. Никто не обратил на неё внимания. В каждый час таких рождалось сотни.

Выйдя из своей восковой ячейки-домика, где пчёлка пролежала ровно двадцать один год, она снова влезла туда и своим длинным языком, словно хорошей щёткой, стала усердно очищать восковые стены. Когда работа была закончена, пчёлка отдышалась, умылась. Робко передвигая

ноги, ещё не привыкшие к ходьбе, она тоже отправилась на Восьмую улицу. Этой пчеле повезло! попала в поток сильных работниц, и те почти на плечах донесли её до восковой башни Пчелиной Матери. Круглая, с опрокинутым вниз куполом, башня эта видна издали. Чудо пчелиной архитектуры!..

Поначалу молодая пчёлка оробела. Её со всех сторон безбожно толкали. И порядком намяли бока. Сильная охрана окружала башню.

— Тише! — потребовали сверху.

Молодая пчела оглянулась. Рядом с ней стояла такая же, как она сама, юная сверстница. А неподалёку от них сердито ворчала пчела, почему-то очень чёрная. По глупости молодая спросила:

— Отчего мы такие серенькие, а она чёрная?

Юная соседка растерянно колыхнула крылышками. Позади кто-то засмеялся:

— Несмышлёныши!.. Чёрная пчела — старушенция. Она, наверное, уже все сорок лет прожила. Вот вылетит ещё разок за нектаром и, кто знает, вернётся ли...

Молодые слушали, открыв рты.

— О, вы ещё познакомьтесь с ней. Она видела Солнце, Небо, Землю, знает Гром, Ветер, Дождь, Холод, различает Цветы... — Э-э, — вздохнула рассказчица, — всего вам сразу не растолкуешь. Подождите, поживёте — и всё сами увидите...

Теперь молодые пчёлки, как зачарованные, смотрели на Старушеницу.

— Жарко! — зашумела охрана башни. — Не напирайте же! Имейте совесть!..

Улица была до того плотно забита зеваками, что поневоле рассердишься. Старым работницам невозможно делом заниматься — строить новые восковые ячейки-домики, складывать мёд, утрамбовывать пергу, кормить деток...

— Жарко, душно! — заволаговалась толпа.

Тогда у Главных Ворот выстроился отряд вентиляторш. Заработали по команде. Крылья их крутились, словно пропеллеры. Тотчас хлынул свежий воздух. Духота быстро отсасывалась.

Возле башни началось сильное волнение. Рождения Пчелиной Матери, оказывается, давно ждал с нетерпением весь город с пятидесятитысячным населением. Прежняя Мать ведь умерла уже шестнадцать лет назад. Пчелиных лет, конечно!

— Ах, — вздохнула Старушеница. — Я-то помню покойную Матушку. Последние годы болела она сильно. Эй, там, на башне, — крикнула Старушеница, — осторожнее!

— Иди помоги-ка, вместо того чтобы ворчать, — отозвались охранницы башни. Они осторожно счищали с двери воск. Пришла пора высвободить молодую Пчелиную Мать «из заточения». Недолго думая, Старушеница полезла к

ним на помощь. А заодно позвала и молодых:

— А ну, милые, за мной... Ваши силёнки ещё не истрачены...

Обе молодые повиновались беспрекословно. Когда они наконец протиснулись к куполу башни, с него свалилась дверь-крышка. Блестя радостными глазами, высунулась из своей необыкновенной восковой колыбели будущая Пчелиная Мать.

— Вот и она!.. — прощамкала чёрная пчела. — Приветствуем тебя, наша царевна!..

— Мать... Наша мать... — прокатилось по толпе.

— Её величество!

— Пчела Трутневна — да! Но не «её величество», — возразила Старушеница. — Вы же знаете, с тех древних пор, как род наш познал всю выгоду дружной работы и жизни одного для других, а всех для одного, нет у нас этих слов «её величество». Она родная Мать наша...

Пока здесь говорили, Пчела Трутневна медленно выходила из своего особняка, в котором проспала, пока росла, шестнадцать пчелиных годочков.

— Тебе, Старушеница, досадно, — заметил кто-то, — что помирать скоро, а Матери жить да жить...

Молодые несмело спросили:

— Но ведь та старая Пчелиная Мать, которая нас породила, тоже умерла? Значит, все мы смертны?..

— Это верно. Но Пчелиная Мать будет жить шестьдесят

наших жизней. Если, конечно, природа даст ей доброе здоровье. Шестьдесят наших жизней — это две тысячи четырёхста пчелиных лет...

— Гу-у-у, — загудели во круг.

Сотни простых пчёлок удивлённо смотрели на Пчелиную Мать. Радостно и удивлённо. Пусть живёт, Пусть долго-долго живёт!

Толкаясь жирными боками, посмотреть на Большую Пчелу пришли толстые трутни.

— Но, но, осторожней вы! — неодобрительно зашикали на них потревоженные работницы.

Трутни полезли сквозь толпу, не обращая ни на кого внимания. Ведь самое главное в их жизни — суметь понравиться молодой невесте. Их сотни, а она одна. Только один и сможет стать ее женихом.

— Нагляделись, а теперь пора и за работу! — опять шепеляво проговорила Старушенция. — А ты, как я погляжу, настоящая Хохотушка, — заметила она одной из молодых. Та подёргала крылышками и смущённо засмеялась.

— Ну что ж, давайте знакомиться, — предложила Пчела Трутневна первой же молодой. — Как тебя зовут?

Та растерялась, но тут же нашлась, бойко ответила:

— Хохотушка!

— Прекрасное имя!.. А тебя? — обратилась Пчелиная Мать к её подружке.

Пчёлка застеснялась, не зная, что сказать. Ведь у неё еще не было имени.

Но тут опять выручила Старушенция:

— Да это Егоза!

— А вас? — обернулась Пчелиная Мать к трём охранницам, которые только что высвободили её из восковой башни.

Средних лет, сильные, с серьёзными лицами, они переглянулись.

— Эти Железные, — подсказала Старушенция. — Они тут стояли железно, никого не подпускали...

— Показывайте ж мне город, — попросила Пчелиная Мать.

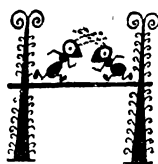
— Извольте...

Так сама по себе и образовалась свита Пчелиной Матери. Её составили три Железные сестры, Старушенция, Егоза и Хохотушка. Не успели они сделать по городу и пяти шагов, как к свите присоединились ещё две. Одну, всё время молчавшую, с задумчивыми и чуть печальными глазами, вскоре прозвали Молчанкой. Другую — совсем

странным именем: Мухаоб-стекло. За то, что она молчит-молчит, да вдруг как забубнит! Будто муха бьётся об стекло.

ОСМОТР ГОРОДА В СОПРОВОЖДЕНИИ СВИТЫ

И КТО из жителей пчелиного города не подозревал, какая опасность нависла над ними. Когда рыжие лесные муравьи точили свои жвалы, молодая Пчелиная Мать со своей свитой отправилась осматривать город.

В этом городе-доме, обнесённом со всех сторон стеной, — тринадцать одинаковых улиц. Над городом тяжёлая крыша. Вся в щелях и с круглым люком. В него вытягивается спёртый воздух. Там денно и ночью дежурит охрана. Уж очень много охотников за мёдом: Да и за самими пчёлами. А над щелястой крышей ещё одна крыша — водонепроницаемая.

Сопровождаемая свитой, Пчелиная Мать не торопясь шла широким проспектом, который обрамлял весь город. Он назывался Замкнутым.

От Южной стены к Замкнутому проспекту примыкают Главные Ворота. Через них может одновременно проходить пчёл двести. В воротах стоит сильная стража. Всех входящих и выходящих проверяют. На каждой из тринадцати внутренних улиц высят-

ся многоэтажные восковые здания.

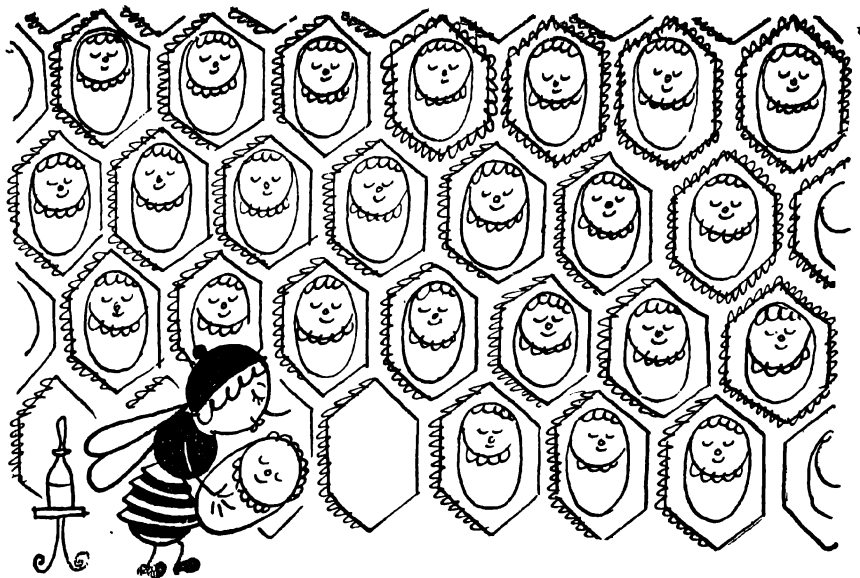
Телохранители Пчелы Трутневны незлобиво расталкивали шнырявших повсюду работниц, а также слонявшихся без всякого дела трутней.

На Девятой улице внимание Пчелиной Матери привлекли детские домики.

— Их здесь три с половиной тысячи, — тотчас объяснила Старушница.

В одних домиках-ячейках спали совсем малюсенькие, только что начинавшие свою сонную жизнь младенцы, похожие на крохотных гусениц. От них пахло пчелиным молочком и мёдом. На всех — одинаковые белые, туго натянутые рубашки... Чтобы ни один младенец не забыл попить молочка, пососать жидкой перговой кашки, кормилица то и дело бегала от одного к другому. На каждую из кормилиц приходилось десятка по три-четыре малюток. Только успевай поворачивайся! Ну а уж в рот малышу класть пищу не надо. Кормилица только пощекочет его, — мол, не спи, — и он тотчас начинает жадно сосать. И потому каждый так быстро прибавляет в весе!

К Пчелиной Матери вдруг подскочил огромный пузатый Трутень. Шея и щёки его так и лоснились от жира и мёда. Тяжело отдуваясь, он жадно уставился на неё, потом стал шумно втягивать воздух, принюхиваясь к лимонному аромату, который принесла Пчелиная Мать.

— Дорогу, дорогу! — зашумела на него свита.

Пчела Трутневна удивлённо и оторопело смотрела на казавшегося ей очень важным и грозным Трутня.

Отталкиваемый свитой, он нехотя посторонился и долго провожал стройную молодую невесту замороженными глазами.

Десятая улица была сплошь забита носильщицами пыльцы. Сотни их вереницей двигались от Главных Ворот, и каждая несла по две корзины этой изумительной пищи, очень богатой витаминами и белками.

— Взгляните, вот у этой в корзинках пыльца красная, — обратила внимание Пчелиной Матери одна из Железных сестёр. — Значит, собрана с люпина...

— А вон те несут белую, — заговорила другая телохранительница. — Вероятно, с ма-

лины. Изумительный запах. Ах, ах...

— Я не знаю, что такое люпин и малина, — грустно призналась Пчела Трутневна.

— О, не расстраивайтесь, вы ещё всё узнаете, и очень скоро... А вон у одной корзинки зелёные... Это, кажется...

Но вспомнить, с какого цветка пыльца зелёная, не успели. Наверху, у вытяжного люка, раздался дикий крик. Там тревожно забегали. Этот люк как раз находился над Десятой улицей.

— Что случилось? — вздрогнула Пчелиная Мать.

Старушечия и Железные, стоявшие рядом, испуганно переглянулись. И по взглядам поняли друг друга: нельзя всего сразу пояснить Пчеле Трутневне. Зачем ей сейчас же знать, что у верхнего люка в любую секунду может произойти несчастье. Под водоне-

проницаемой крышей в углу на потолке живет страшный злодей. Он может подкрасться к стражнице люка и одним ударом могучих лап прикончить бедняжку. Лапы у него всегда растопырены, как огромный ухват. На их концах ядовитые шипы. Злодей вонзает острые шипы в тело пчелы, и она умирает в страшных муках под его негаснущим огненным взглядом. Он уносит её в свой гадкий угол и жадно пожирает, разрывая на куски. Остаются только ножки да крылышки... Вот сейчас, возможно, паук Рогач и похитил стражницу?..

Чтобы не опечалить молодую Пчелиную Мать, Старушница ответила уклончиво:

— Всякое там случается... Заснёт, например, стражница, и померещится ей жуткий сон..

— А может, какой-нибудь сладкоежка, пробираясь за мёдом, шекотнул её за пятку, — сказала одна из Железных сестёр.

— Сладкоежка?.. Кто он? — удивилась молодая Мать.

— Так мы зовём чёрных муравьёв. Они живут за Северной стеной. И любят мёд. Ужасно любят. За уши не оттащить!..

Пчелиная Мать задумалась.

— Ши-и! — опять донеслось сверху.

— Ну точно! Это лезут сладкоежки. Нахалы страшные! — наперебой заговорили Железные сёстры.

В это время свита подходила к Одиннадцатой улице. Все

ячейки-кладовки здесь были залиты тягучим светло-оранжевым мёдом.

— Поворачиваем обратно, — прошамкала Старушница. — Кладовки Двенадцатой и Тринадцатой улиц тоже заполнены мёдом, там смотреть нечего.

Пчелиная Мать меж тем всё думала о сладкоежках. Неожиданно она сказала:

— Раз у нас такие большие запасы, почему бы не дать этим несчастным голодным муравьям-сладкоежкам поесть досыта? Чтобы воровать расхотелось...

Проходившие мимо и с уважением сторонившиеся работницы от удивления даже рты разинули. Не чересчур ли добра молодая Мать?

Но свита уже наперебой говорила:

— Этих ленивцев только привады!..

— Со света сживут!..

— Отбоя от них не будет. Сегодня накормишь тысячу, завтра их зайвится сюда сто тысяч...

— Кстати, если бы они только наелись и убрались во свояси. Нет! У них есть такие типы, вроде живых мешков, что ли... В общем, висит такой бурдюк, уцепившись за что-нибудь, а остальные вливают ему в глотку мёд. Он раздувается, раздувается. Упадёт — лопнуть может...

— Да они и самих нас едят!..

Пчелиная Мать испуганно вытаращила глаза.

— Не бойтесь, — поспешно

успокоили её. — Едят они нас только мёртвых.

— Тьфу, какая гадость! — брезгливо сморщилась Пчелиная Мать.

Кто слышал этот разговор, невольно про себя отметил: «Наша Мать добрая. Хорошо. Брезгливая — очень хорошо. Ещё будет лучше, если она окажется осторожной. И ещё — сильной».

ПОЧЕМУ КРИЧАЛИ СТРАЖНИЦЫ

ТО ЖЕ всё-таки случилось у верхнего люка?.. Ведь крики стражниц привлекли внимание всего города.

А вот что.

Самая старшая из стражниц давно догадывалась, что ужасный душегуб паук Рогач, как ни странно, боится сладкоежек. В чём дело? Ведь он в пять раз крупнее любого муравья. У него такие огромные рогообразные лапы с ядовитыми шипами-пальцами. Бежит же быстрее любых муравьев. По обыкновению Рогач сидит в тёмном углу, и стражницам нередко мерещатся — а может, это есть и на самом деле! — его горящие глаза. Уж до чего злодей безобразен и жесток: Страшнее не придумаешь!

И всё-таки, оказывается, он трусит перед сладкоежками. Наверное, потому, что их много. Их даже очень много, этих

маленьких, жадных до мёда чёрных муравьёв.

Они что-то строили в эти дни. Рогач сидел в своём углу голодный и злой. Но к люку приблизиться боялся. Одной из стражниц даже смешно стало. Она высунулась и наблюдала то за Рогачом, то за работой муравьёв...

Вначале они появлялись у Главных Ворот изредка и по одиночке. И стоило стражнице лишь взмахнуть крылом, как несчастные мёдолюбители стремглав кидались прочь, дрожа всем телом, забивались в щель. Потом их стало приходиться больше. Сразу по дюжине. Они быстро нагнали. Спрячется сладкоежка в щель, подождёт немного, потом высунет оттуда вначале свои усики-антенны, как бы улавливая сигналы — что, мол, происходит вокруг — и, заметив, что великодушная стража не ищет его, а стоит у входа, начинает медленно вылезать из своего убежища. Воровато водит антеннами-усиками, озирается. Осмелев вконец, опять норovit проскользнуть через ворота...

Но, видя, что в пчелиный город через главный вход не попасть, сладкоежки стали искать другие пути.

Как-то в их сыром и холодном городе-муравейнике, что был в земле, прокатился слух: есть жильё во сто крат лучше. Там тепло, сухо, безопасно и, главное, всё время пахнет мёдом!

Отряд сладкоежек кинулся туда. И чёрная армия столпи-

ласть под ульем. Поднялись по деревянным опорам, на которых он стоял.

— Сюда! — кричали передовые разведчики.

Один из них влез в очень узкую щель. Проникшие вслед за ним в странное помещение тотчас радостно закричали:

— Великолепное открытие!.. Чудо-дворец!

Кто-то пустился в свой муравьиный пляс, приговаривая:

— Дураки мы, столько зябли, мокли! Как здесь тепло! Какой ароматный воздух!..

Давно это было. Поселились сладкоежки между двумя стенами пчелиного дома-города. Между стеной внутренней и внешней. Они убрали прочь мешавший им, созревший от времени мох. Натаскали сюда опилок и земли. Разметили свои улицы и парки, построили ряды барачков, в которых жили тысячи новорождённых. До чего же дружно работали!

Прошлым летом пришлось сладкоежкам пережить немало волнений. Однажды их сторожевые посты вдруг заметили, что пчелиный город осматривают рыжие лесные муравьи-великаны. Это очень

опасные враги чёрных сладкоежек. К счастью, лесных пришельцев оказалось немного. Скорее всего, это был лишь их разведывательный отряд. На него-то и напала огромная армия чёрных сладкоежек. Решено было перебить рыжих всех до единого.

— Если уйдёт хоть один, — заявил мудрейший Триусиногиос, — то нам несдобровать!.. Сюда явятся несметные полчища, нас поработят. Разве им не понравится этот дворец?

Началась великая резня. По пятеро, по десятеро чёрных кидались на одного рыжего великана. Хватали его за ноги, влезали на спину, отдельные смелые сладкоежки вцеплялись в бороды рыжих. Немало голов чёрных послетало в этой схватке. Изловчится рыжий великан, хватать жвалами, как ножницами, и нет у чёрного башки. Но как бы там ни было, а пришлось рыжим спасаться бегством. Весь их отряд вскоре был истреблён. Так считали сладкоежки.

Вернувшись после погони, они выставили на всякий случай усиленную охрану на всех

углах пчелиного города. И жизнь снова пошла мирная, тихая. Правда, каждый день шла война с крылатыми. Уже давно в одном месте сладкоежки обнаружили в стене забитый трухой ход. Он вёл вглубь, к городу. Муравьи догадались, что просверлил его жук Точильщик. Когда-то он обитал здесь и вовсе, наверное, не подозревал, какую пользу принесёт сладкоежкам. Муравьи прошли по ходу до поворота. На месте поворота был крохотный лаз в город, искусно, однако, залитый каким-то веществом.

— Это воск! Мы его быстро раскрошим!

Когда же зубастые челюсти принялись за дело, оказалось, не так-то просто разгрызть странное вещество, — ломались зубы!

— Проклятье! — морщась от боли, плевались многие сломанными зубами. — Ужасно твёрдый!.. Что за материал?..

Но останавливаться не в привычке сладкоежек. Ведь неподалёку хранился мёд. Чёрт с ними, с зубами! Лишь бы добраться до мёда!

Первым, которые пролезли через отверстие, повезло. Наелись мёда досыта. Однако таких счастливиц было немного. Крылатые нюхачи очень скоро учуяли чужой запах, а потом обнаружили и самих воришек. С того времени возле лаза денно и ночью дежурит охрана крылатых. Ни один сладкоежка не осме-

ливается высунуться, даже сам Триусиногиос.

На военном совете сладкоежки решили проложить туннель до самого верхнего люка. Этим туннелем окружить люк. Сделать несколько дверей.

— Стража крылатых растеряется, когда мы хлынем на неё со всех сторон сразу, — сказал умнейший Триусиногиос.

План был принят. Вызвали рабочих.

— Давайте земли и глины. Побольше опилок.

И работа закипела.

Крылатые только удивлялись: что это затеяли сладкоежки? Наверное, за стеной их так много расплодилось, что теперь уже не хватает места, строят бараки на нашей крыше.

Это коварное строительство длилось всего два пчелиных года. И вот просторный коридор — главный ход к люку крылатых — подведён. По нему могут идти одновременно два-три муравья. В то же время ни одной пчеле здесь не пролезть..

Однажды стража крылатых дремала. К ней подкрались четверо сладкоежек — хватать стражницу за ноги! Вцепились жвалами.

Истошно закричала перепуганная стражница. Переполошились остальные. Неизвестно, что бы они предприняли и чем бы всё кончилось, но тут произошло неожиданное. Когда раненая пчела корчилась от боли, тщетно пытаясь снять с ноги одного из упрямых му-

равьев — из угла выбежал с горящими глазами паук Рогач. Не успели оглянуться, как он взмахнул своими страшными лапами со смертоносными шипами и распорол бедняге живот. Она вскрикнула в последний раз и стала биться в судороге. Рогач подхватил её и поволок в свой угол. На ноге пчелы висел одинокий сладкоежка. Оказалось, он умер от страха, так и не разжав своих челюстей.

(Окончание следует)

В. Суслов

По законам физики

Спросил учитель:

— Почему

День зимой короче,

А когда придёт июнь —

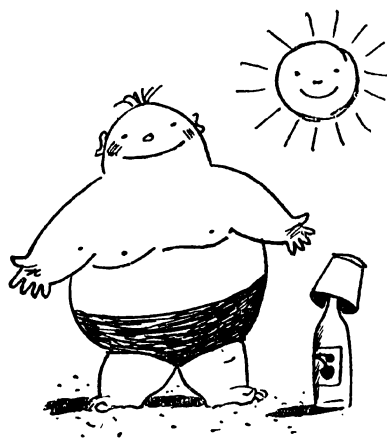
День длиннее ночи?

Руку подняла Тамарка:

— Потому, что летом жарко.

День-то нагревается,

Вот и расширяется.

КОГДА у поэта появляются первые стихи?
Чаще всего, в школе. Когда поэт этот
ещё и не поэт вовсе, а просто школьник.

Пионер Генрих Сапгир тоже мечтал стать поэтом и писал «взрослые», очень «серьёзные» стихи. А когда вырос и сам стал взрослым, стихи у него начали получаться... детскими, для ребят.

Это чаще всего весёлые, задорные стихи, «Трамвай Трамвайч», «Нарисованное солнце», «Озорное море», «Птицы в тетради» — вот какие названия придумал Генрих Вениаминович Сапгир своим книжкам.

Кроме собственных стихов поэт сделал и немало переводов с немецкого, грузинского, еврейского, киргизского языков.

Пишет Генрих Сапгир своеобразно, с другими поэтами его не спутаешь.

Со стихами Генриха Сапгира вы, наверное, встречались в «Весёлых картинках», «Мурзилке», «Пионере». Сегодня новые стихи поэта — на страницах «Искорки».

Г. Сапгир

Подкова

Конь
Каурый
Поскакал,
Конь
Подкову
Потерял.

Шла
Корова:
— Чья

Подкова? —
Бредёт
Свинья.
Говорит:
— Моя.
Спроси
Козла,
Я подкована
Была.

А козёл,
Козёл
По селу
Пошёл.

Громко блеет
У крыльца,
Вызывает
Кузнеца:
— Кузнец,
Кузнец,
Ты сковал
Сто колец.

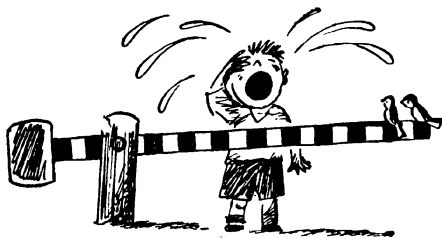
Не ложись
На кровать,
Надо, надо
Подковать
Не копыто,

Не сучок,
Поросячий
Пятачок!
Никто
Никогда
Не видал такого:
Идёт
Свинья —
На носу подкова.

Полосатые СТИХИ

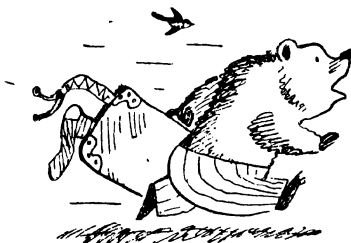
*Полосатые
Тигрята
От рождения
Полосаты.
Есть полоски
У енота.
И у зебры
Их без счёта.
Есть полоски
На матрасе
И полоски
На матроске.
Есть полоски
У шлагбаума
И полоски
У берёзки.
Удивительно
Красивы
Полосатые
Закаты...
Но встречаются
Ребята,
Что от грязи
Полосаты.
Не хочу
Про них писать
В полосатую
Тетрадь!*

Дили-дон

Дили-дон! —
У дороги.
Мишка вылез
Из берлоги.

— Это,
Кажется,
Пожар! —

Мишка встал
И побежал
Через чашу,
Бурелом.
О берёзу
Лбом —
Бом!

На сосне
Смеется Сойка:
— Мишка, что
с тобой?

Постой-ка!
— До шуток ли,
До смеха ли?
Пожарные
Наехали

С топорами,
С баграми.
У дороги
Ходит пламя.
Улетай,
Пока цела!
Слышишь, там —
Колокола!
Дили-дон!
Лес горит! —
Мишка Сойке
Говорит.

— Где пожар?
Огня не видно. —
Сойке
Очень любопытно,
Что же значит
Этот звон?
Дили-дон!
Дили-дон!

Поднялась
И полетела,
Чтоб разведать,

В чём же дело.
Ни пожарных,
Ни тревоги.
Лишь Корова
У дороги.
А на шее
У Коровы
Колокольчик
Пляшет новый:
Дили-дон!

А ты участвуешь в конкурсе?

В ЖУРНАЛЕ «Искорка» № 9 за 1965 год на пятнадцатой странице две строчки были набраны не обычными, а крупными буквами. Они сообщали: «ОБЪЯВЛЯЕМ КОНКУРС ЮНЫХ СОБИРАТЕЛЕЙ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА».

С нетерпением ждали мы: кто из ребят откликнется? И вот письма начали поступать. Не сразу, конечно. Ведь произведения устного народного творчества под ногами не валяются: сначала нужно найти того, кто хранит их в памяти, потом записать...

Кое-кто из ребят неверно понял условия конкурса и прислал нам произведения, взятые из книг. А один наш корреспондент переписал и направил к нам даже не русские, а индонезийские песни и сказки!

Повторяем: нужно записывать песни, сказки, частушки, считалки, загадки, пословицы, поговорки только с голоса, непосредственно от исполнителей.

Сегодня мы хотим познакомить вас с одной сказкой, присланной нам участником конкурса, учеником 4-в класса 11-й школы города Выборга Серёжей Кисловым.

Услышал её Серёжа от своей мамы.

Не удивляйтесь, что в сказке действует царь. Ведь произведения фольклора возникли много веков назад. Но, как и всегда, все симпатии здесь на стороне человека из народа, бедняка. Он умен, отзывчив, уважает старших (как сокрушается Иван, что не успел поблагодарить старших за добрый совет!).

Вы читали, очевидно, сказку «Морозко» и другие, похожие на неё. Там злое слово, неблагодарность обязательно приносят несчастья. В другой сказке, присланной нам Серёжей Кисловым, речь идёт о трёх братьях, которые отправились биться со Змеем Горынычем; двое братьев прошли мимо старушки, попросившей у них хлеба, а третий пожалел её и отдал последний кусок. В благодарность старушка помогла ему победить врага.

В сказке, записанной Серёжей Кисловым, нам понравились загадки (особенно о солнце) и мудрая концовка: нет ничего дороже ума.

Сергей, наверно, твоя мама знает и другие сказки? И жаль, что ты не указал её имени и отчества, её возраста и того, откуда она узнала эту сказку.

Вот как подробно и ясно написала Валя Платонова из деревни Лампово Гатчинского района: «Эти песни я услышала у бабушки, Екатерины Петровны Платоновой... Моей бабушке 65 лет. Училась она только один год. Эти песни Екатерина Петровна слышала от своей матери Авдотьи Сафоновны в 1910—1912 годах». В другом случае Валя отметила: «Песни записаны 15 ноября 1965 года в деревне Лампово, со слов Агафьи Ивановны. Агафье Ивановне 76 лет. Песни слышала от своей бабушки Анны Васильевны в 1895—1896 годах». (А фамилию Агафьи Ивановны тоже забыла назвать.)

Видите, как получается: песни, которые записала Валя, живут уже много десятилетий и передаются от поколения к поколению.

В. БАХТИН, фольклорист

ЧТО ЛУЧШЕ?

Давным-давно, сказывают, жили-были в одной деревне мать и отец. Был у них сын Иван. Вот померли мать с отцом. Погоревал-погоревал Иван, да уж ничего не поделаешь. Собрался он в дорогу. По свету побродить решил, разума набраться.

Попрощался он со всей деревней и ушёл куда глаза глядят.

Шёл он день, шёл он два, а на третий встретил на дороге нищего старика. Увидел его старик, усмехнулся и говорит:

— Здравствуй, добрый мо-

лодец! Куда же ты путь держишь?

Отвечает ему Иван:

— Да так, дедушка. По свету решил побродить. Ума набраться.

— Ума? Это хорошо. А тот, кто богатства попусту ищет — плохо.

Повёл старик Ивана в свою избушку. Напоил, накормил и спать уложил. Встаёт поутру Иван, а старик повёл его в подвал, показал на мешок с золотом и на шапку и сказал:

— Ну, добрый молодец, выбирай: золото или ум?

Подумал-подумал Иван и говорит:

— Золото истратится, а ум нет. Вот и дай ум.

Говорит старик:

— Правильный ты путь выбрал. В шапке этой таится много ума. А волшебство шапки заключается в этом пёрышке. Если это пёрышко вынуть, то будешь глупым-преглупым.

Сказал старик это и исчез. Дом исчез. Всё исчезло. Только держит Иван в руке шапку. Совестно стало Ивану, что не отблагодарил старика. Но пошёл всё-таки дальше.

Шёл-шёл и пришёл он в одно царство. Идёт он по городу. Все на него смотрят как-то, нос задирают. Думают, что он глупый. Попросился он к какому-то человеку в ночлег. Разрешил человек. Стали они спать ложиться, а Иван сказал:

— Скажи-ка, добрый человек, что это у вас в городе делается?

Ответил человек:

— Царь приказал найти самого умного человека в царстве. И все думали, что они умные. А кто из умных не разгадает три царёвых загадки, тому отрубали голову.

Пошёл на следующее утро Иван к царю. Царь его спрашивает:

— Ты зачем сюда пришёл?

Отвечает Иван:

— Да я, ваше величество,

слыхал, что вы загадываете три загадки. Вот я и попытаю свой разум.

— Хорошо, — ответил царь. — Но если не отгадаешь, то не бывать твоей голове на плечах.

— Какие же эти загадки? — спрашивает Иван.

— А вот какие. На что на свете нельзя всю жизнь без отдыха насмотреться?

Подумал Иван и ответил:

— На солнце.

Царь и обомлел. Никто ещё в жизни его загадки не отгадывал. А тут тебе нá! Точь-в-точь отгадал.

— Ладно, — говорит царь. — С первой загадкой ты справился. Ну, ещё послушай вторую. Где середина земли?

— Здесь, — сказал Иван. — Ежели, царь, не веришь, возьми и отмерь.

Царь ничего не сказал.

— Ладно. И послушай ещё третью загадку. Что сильнее всего на свете?

— Ветер, — сказал Иван.

Говорит тогда царь:

— Молодец, что отгадал.

Хлопнул он в ладоши, и прибежал казначей.

— Дать этому молодцу мешок золота, — приказывает царь.

Вот и взял царь его себе на службу. Отслужил Иван три года, ещё мешок золота получил и уехал домой. Зажил он богато.

Стали люди промеж себя поговаривать, что ум на золото не променяешь.

Сказки про Алдара-Косе

АЛДАР-КОСЕ — любимый сказочный герой казахов. Если перевести его имя на русский язык, оно будет означать: «безбородый насмешник», «безбородый обманщик». И нет в Казахстане человека, будь он стар или мал, который не знал бы мудрых и весёлых сказок об этом безбородом обманщике. Имя его вызывает лукавую улыбку даже у самых степных людей.

Сказок о похождениях Алдара-Косе сложено в казахской степи великое множество. В них с неотразимым остроумием высмеиваются пороки былых притеснителей народа: коварных ханов, спесивых и жадных богачей-баев, шарлатанов-знахарей, лихоимцев-мулл, бесчестных купцов. Всем угнетателям и тунеядцам крепко достаётся от неожиданных проделок и беспощадного языка Алдара-Косе.

Сам Алдар-Косе, или Алдакен, как ласково называют его степные сказители, воплощает в себе многие лучшие качества трудового народа: он умён и смел, бодр и жизнерадостен, сметлив и проникателен, свободолюбив и великодушен.

Забавные сказки про Алдара-Косе — вершина народной сатиры казахов, одно из наиболее ярких достижений их богатейшего устнопоэтического творчества. Многие сказки об Алдаре-Косе записаны, вошли в сборники и книжки, а многие ещё передаются из уст в уста.

Писатель Евгений Евгеньевич Малюга долго жил в Казахстане, слышал множество сказок об Алдакене от стариков и от ребят, записывал их, литературно обрабатывал. Сейчас он подготовил новый сборник сказок об Алдаре-Косе. Три из них вы можете прочесть.

Однажды пришлось Алдару-Косе батрачить у бая.

— Как живётся? — спрашивает он у других батраков.

— Плохо живётся, — отвечают те, — совсем забыли запах мяса.

— Не унывайте, накормлю вас мясом за счет бая.

Батраки только головами качают:

— «Не обращай с прось-

бой в юрту, где не бывает гостей» — так говорит народ, Алдакен.

— А я и не собираюсь просить. Сам даст.

— Что ты такое задумал, отчаянная голова?

— Не подует ветер — не шевельнётся тростник, — уклончиво ответил Алдар-Косе.

В тот же день — неизвестно как и почему — лучший баран из байской отары свалился в яму и вывихнул ногу.

Бай схватился за голову:

— Ой, Алдар-Косе, пропадает баран! Что делать?

— Прирежь его быстрее! — советует батрак.

— Так ведь жалко: одним бараном меньше будет... — хнычет бай.

— А если жалко резать, пусть себе подышает, — преспокойно говорит Алдар-Косе,

Делать нечего, зарезал бай барана и приказывает:

— Снеси баранью тушу на базар, продай подороже.

Взвалил Алдар-Косе тушу на спину и побрёл на базар. Ходит там и покрикивает:

— Эй, добрые люди! Продаю за червонец дохлого барана! Покупайте.

Смеются люди:

— Ну нет, Алдар-Косе, на этот раз никого ты не проведёшь. Не нужен нам твой дохлый баран. Тащи его туда, откуда принёс.

Алдару-Косе по душе такие слова.

Вернулся он к баю и, вытирая рукавом пот, говорит:

— Придётся, бай, нам самим есть мясо. Никто не покупает барана. Напрасно я силы тратил. Не нужен, говорят, никому...

Бай не поверил работнику:

— Почему не нужен! Такой хороший баран! Такой жирный баран! Врёшь ты всё, Алдар-Косе. Завтра вместе пойдём продавать.

Рано утром отправились они на базар вдвоём.

Бай кричит:

— Эй, люди добрые! Покупайте барана! Кому нужен баран?

А Алдар-Косе подтягивает:

— Покупайте вчерашнего барана! Это тот самый баран! Берите за червонец вчерашнего барана!

Тут уж народ не стерпел:

— Проваливайте прочь, бездельники! И гроша вам не дадим!

Пришлось торговцам убираться с базара.

— Что будем делать? — спрашивает Алдар. — Съедем мясо или выбросим его в овраг волкам?

— Дай подумать, Алдакен, дай подумать, — сокрушённо отвечает бай.

И вот собрал он в своей юрте всех работников и держит речь:

— Батраки, ходят глупые толки, что я злой человек, жадный человек. Пусть аллах накажет болтунов за клевету. Сегодня вы узнаете, каков ваш хозяин. Хочу вас угостить на славу. Вари, Алдар-Косе, барана! Только такой уговор: твёрдое в казане — моё, остальное — ваше.

Переглянулись батраки, ничего не сказали. Ладно и так: коль нет надежды на мясо, и отвар неплохая еда.

А Алдар-Косе уже хлопочет в стороне: горит костёр, бурлит вода в казане, варится баранья туша. И так долго варил Алдар-Косе мясо, что бай забеспокоился:

— Скоро ли будет обед, Алдар-Косе?

— Скоро, скоро, потерпи, бай!

Когда мясо разварилось так, что даже от костей отвалилось, Алдар говорит хозяину:

— Повтори, бай, что твоё в казане?

— Твёрдое! Твёрдое! — засуетился бай.

— Вот всё твёрдое! — выкладывает Алдар-Косе баю голые кости. — А нам остальное.

Уселись батраки вокруг казана и принялись за еду. Бай посинел от злости, а работники посмеиваются. Наевшись

баранины, вытерли они усы и сказали разом:

— Спасибо за угощение, Алдакен!

Один спесивый бай разглагольствовал перед одноаульцами:

— Вся степь говорит: Алдар-Косе! Алдар-Косе!.. Не верю я рассказам про его ум и хитрость. Поглядеть бы мне на этого бродягу хоть разок. Я б его вмиг самого одурачил.

Рассмеялись молодые, закачали головами старики:

— Не хвастай, бай, не срамись. Ещё никому на свете не удавалось одурачить Алдакена.

— А вот я одурачу! — раскипятился бай. — Обещаю вам заколоть кобылицу и устроить пир на весь аул, коли не перехитрю при случае хитреца. Только бы мне с ним познакомиться!..

Как-то раз — по делу ли, без дела ль — выехал этот бай на верблюде в степь. Смотрит: неподалёку от дороги, точно ищет что-то, ходит и

ходит по кругу туда и обратно какой-то человек.

— Эй, приятель, — крикнул бай, — что потерял?

Незнакомец остановился и озабоченно отвечал:

— Ничего не потерял, а всё-таки ищу.

— Что же ищешь?

— Ищу начало земли. Хорошо знаю, что оно где-то здесь, да никак не могу отыскать. Глянуть бы на степь с высоты — сразу нашёл бы. Да вот беда — ни холмика, ни бугорка крутом. Но всё равно достигну своего. Громкая слава, вечный почёт ждёт того, кто найдёт начало земли.

С удивлением выслушал бай слова незнакомца, потом спросил:

— А с верблюда, скажи, друг, мог бы ты увидеть начало земли?

— Ещё бы с верблюда не увидеть! Конечно, увидел бы. Да ведь у меня нет не то что верблюда, так даже паршивого ишака.

Бай заёрзал в седле.

— Полезай на моего верблюда, — предложил он. — Но только с условием: всюду будешь говорить, что мы вместе нашли начало земли. Поделит славу и почёт. Согласен?

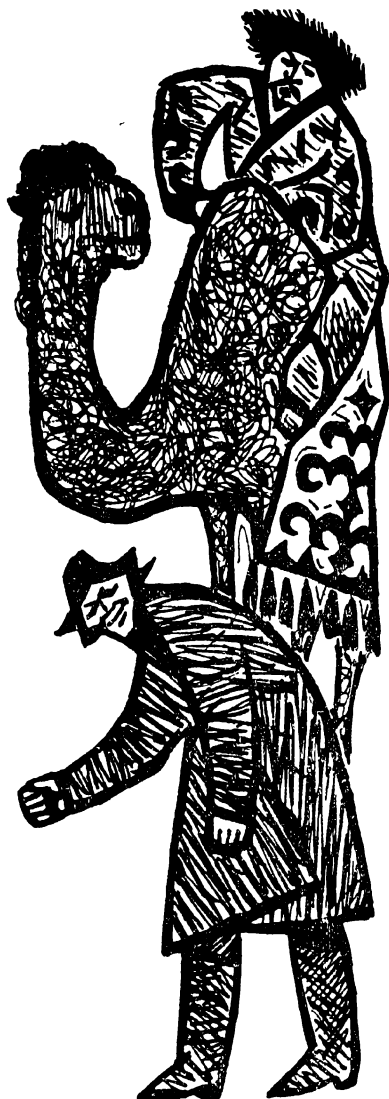
Махнул незнакомец рукой:

— Так и быть, согласен!

Слез бай с верблюда, посадил на него незнакомца и, выпучив глаза, ждёт не дождётся, что тот скажет.

— Ну как, видишь ли начало земли?

— Нет, — вздохнул незнакомец, поудобнее усаживаясь

в седле и подбирая поводья, — не вижу. Вижу только, что ты, бай, большой дурак. Ну да не горюй: зато с этого дня ты можешь всем хвалиться, как вместе с Алдаром-Косе искал начало земли!

— Алдар-Косе! Так это ты?! — взревел бай и кинулся к всаднику. — Отдай верблюда, разбойник!

— Отдам, если догонишь!— крикнул Алдар-Косе и пустил верблюда напрямик во весь опор, так что только трава из-под копыт полетела. А бай с раскрытым ртом остался на месте.

Лишь на закате доплёлся он пешком до аула. Навстречу жена:

— Что согнулся крючком? Где верблюд?

— Нет верблюда. Отнял Алдар-Косе,— хмуρο отвечает бай.

Завыла жена бая. Сбежался народ. Узнали, в чём дело.

— Как отнял, — спрашивают,— силой или хитростью?

— Хитростью, — признался бай.

Зашумел аул. Молодые хочут, посмеиваются и старые:

— Так тебе и надо, хвастун! Режь кобылу, зови людей на пир. Ты проиграл спор.

Куда деваться баю? Против народа не устоишь. Зарезал кобылицу, глотая слёзы, потчует мясом весь аул.

В разгар пира подъезжает на верблюде Алдар-Косе.

— Получай, бай, своего верблюда, — говорит со смехом, — да не тягайся вперёд умом с бедняками и не гонись за чужой славой!

Рад бай верблюду, а народ Алдакену. Подняли бедняки своего любимца на руки, усадили на почётное место, поднесли ему лучший кусок. До утра шёл пир. И не было, сказывают, пира веселее этого.

Сундуки муллы ломились от приношений верующих, а мулле всё было мало. Редкий человек не слышал от него слова «дай», но не встречалось таких, кому бы он хоть раз сказал «возьми». Если какой-нибудь горемыка и обращался к мулле за помощью, то ответ был всегда один и тот же:

— Сын мой, усерднее молись всевышнему. Аллах всемогущ и милостив к правоверным. Если на тебе нет греха, он не оставит тебя своими щедротами.

Узнал Алдар-Косе про жадность и лицемерие муллы и решил его проучить.

Как-то раз ехал мулла на осле из одного аула в другой. Слышит: впереди у дороги кто-то горестно рыдает. Что такое? Не по умершему ли плачут? Мулла подогнал ослика. Ведь не зря говорится: «Скотина жиреет от обильных кормов, мулла — от частых покойников».

Подъезжает мулла к старому придорожному колодцу и видит: сидит какой-то человек, уронил голову на колени, громко плачет.

— Что случилось? — спрашивает мулла.

— Ой, беда, беда! — не перестаёт причитать человек.

— Какая беда? Не умер ли кто-либо из твоих родичей?

— Ой, хуже!

— Что же может быть хуже?

— А то, что меня разорил проклятый Алдар-Косе.

— Алдар-Косе? От этого безбожника всего можно ждать. Я не видел его, но знаю о нём от людей. Что же он тебе сделал?

— Мы случайно сошлись у колодца. Сели, поговорили. Алдар-Косе попросил у меня щепотку насыбая¹. Я протянул ему свой старый кисет, а он, негодяй, выхватил его и швырнул в колодец...

Мулла усмехнулся:

— Стоит ли из-за старого кисета, даже если в нём был табак, поднимать шум на всю степь!

— Так ведь в кисете под табаком я хранил три золотых монеты, всё моё достояние,— проговорил незнакомец и заревел ещё громче.

Мулла соскочил с седла:

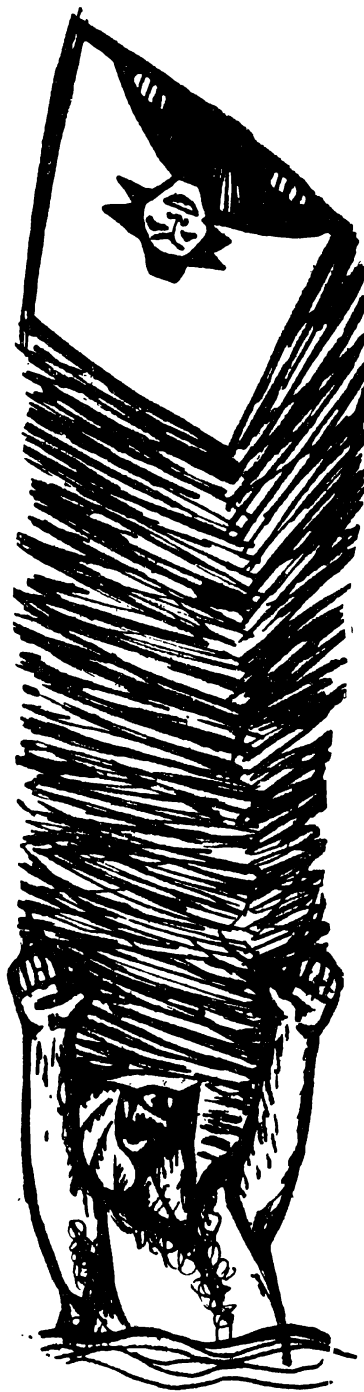
— Ты говоришь, в кисете — три золотых? Что же ты не лезешь за ними, чудак? Колодец не очень глубок.

— Как лезть, когда у меня нет верёвки!

У муллы забегали глаза.

— Послушай,— сказал он,— я одолжу тебе ослиный повод, если ты дашь мне за это одну монету.

— Да благословит вас аллах, благочестивый мулла! Я с радостью отдал бы вам зо-

¹ Насыбай — нюхательный табак. Казахи употребляют его как жвачку.

лотой, но боюсь, что и повод мне не поможет.

— Почему же?

— Потому, что я с младенческих лет больше всего на свете боюсь холодной воды, и мне легче помереть, чем окунуться в колодец...

«Вот дуралей! — подумал мулла. — Да я бы ради денег не то что в колодец, в преисподнюю полез бы». А вслух говорит:

— Коли так, изволь, я выручу тебя из беды, достану со дна твои деньги. Только за риск и труды ты должен дать мне две монеты.

— Отдам! Без жалости отдам! Всё равно пропадают деньги. Пусть так и будет: два золотых — вам, один — мне.

Мулла вмиг скинул одежду и, придерживая живот, опасно заглянул в колодец.

— Крепче держи повод, — сказал он, — а когда я достану кисет, тяни изо всех сил.

Ухватившись за повод, мулла проворно скакнул в колодец и повис над водой.

— Опускай, опускай меня помаленьку, да смотри, осторожно! — раздался из глубины его голос. — Ну, что же ты медлишь?

— А куда нам спешить, отец мой? — услышал он сверху. — «Неторопливый и на арбе догонит зайца». Я медлю потому, что думаю. А думаю я вот о чём: не признаться ли мне вам сразу, что в колодце нет никаких денег.

— Как?! — вскричал мул-

ла. — В колодце нет денег? Мошенник! Значит, ты солгал, будто Алдар-Косе зло подшутил над тобой?

— Солгал, солгал, каюсь, святой отец! Алдар-Косе действительно подшутил, но только не надо мной, а над вами. Ведь Алдар-Косе — это я сам.

— Ох, бедная моя голова! — взвизгнул мулла и, сорвавшись с пювода, плюхнулся в воду. Колодец, и вправду, был неглубок. Стоя по пояс в воде, мулла бранился, проклинал, угрожал, но скоро понял, что этим Алдара не проймёшь: тот только весело хохотал, наклонившись над колодцем. Тогда мулла заговорил по-другому:

— Алдакен, душа моя, я на тебя больше не сержусь за твою озорную выходку. Не сердись и ты на меня. Пошутит, и хватит. Кинь мне поскорей конец пювода, помоги, дорогой, выбраться из колодца!..

Но Алдар отвечал преспокойно:

— Молись усерднее всевышнему, святой отец. Аллах всемогущ и милостив к правоверным. Если на тебе нет греха, он не оставит тебя своими щедротами.

Потом безбородый уселся на ослика и поехал куда ему было надо, не забыв прихватить одежду муллы. А мулла не один час прополоскался в колодце, пока его не вытащили оттуда проезжие купцы.

Не так давно я что-то искал в ящике письменного стола. Среди разных бумаг наткнулся на старую тетрадь, которую некогда, будучи пятнадцатилетним школьником, превратил в так называемый дневник. Перелистывая страницы этого дневника, я обнаружил одну запись. Привожу её в точности: «Сегодня, 14 апреля 1945 года, день рождения нашего учителя литературы Петреску Д. Ему исполнилось 45 лет. Устроили в классе торжественную встречу, принесли большой букет нарциссов, хором спели. Были зачитаны поздравительные телеграммы за подписью наших классиков Эминеску, Караджиале, Крянгэ (это была моя идея!). Петреску был взволнован. Это понятно. Ведь он человек одинокий, семьи у него нет. Он даже забыл, что сегодня его день рождения. Он благодарил нас всех, пожал нам руки и пожелал успехов в жизни».

Должен признаться, в первые мгновения эти неожиданно обнаруженные строки ничего мне не говорили. Но я напряг свою память, и сквозь далёкие годы стали пробиваться сначала смутно, потом конкретнее, потом и совершенно чётко образ моего бывшего учителя, его лицо. Я даже увидел его пальцы, испачканные белой пылью от мела, и услышал взволнованный голос, когда он нам читал стихи Эминеску.

Кто-то из домашних оторвал меня от этих воспоминаний и напомнил,

что завтра нужно пойти уплатить за телефон: «Только не забудь. Сегодня четырнадцатое апреля, завтра последний день уплаты». Я вздрогнул. Четырнадцатое апреля! Значит, сегодня день рождения моего бывшего учителя. Странное совпадение! Именно сегодня я о нём вспомнил. Он, наверное, уже на пенсии. Значит, ещё более одинок. Теперь некому устраивать ему торжественную встречу с цветами, здравницами и телеграммами. Что, если я ему позвоню и поздравлю его? Он будет тронут таким вниманием. Возможно, он меня и не помнит, — я ведь не блестяще учился по его предмету. Но в его одиночестве поздравление даже от незнакомого человека должно быть приятно.

Я посмотрел на часы. Было только восемь утра. «Тем лучше, — сказал я себе. — Пусть я буду первым человеком, который обратился сегодня к нему с добрым словом».

— Алло, можно к телефону товарища Петреску?

Женский голос ответил мне, что учителя сейчас нет дома. Его пригласил один бывший ученик, ныне инженер и чемпион по велосипедному спорту, присутствовать на старте велосипедных гонок.

— И он пошёл туда? — спросил я.

— Ну конечно! Как же ему не идти? Это же его бывший ученик. Позвоните через час.

Тот же голос сообщил мне, что учитель позвонил, что он задерживается. Он вспомнил, что приглашён в десять часов на открытие архитектурной выставки, где экспонирует свои макеты жилых домов его бывшая ученица.

В одиннадцать часов я снова набрал номер.

Мне сказали, что учитель забежал домой на несколько минут. В одиннадцать тридцать начинается концерт в филармонии. В оркестре играют двое из его бывших учеников, и они пригласили его, как каждое воскресенье, на концерт...

Я включил приёмник и стал слушать концерт, который транслировался из филармонии. Как только отзвучали последние аплодисменты, я подсел к телефону и через пятнадцать минут набрал номер.

— Это всё вы? Как жаль, что я не предупредила вас. Ведь учитель в воскресенье дома не обедает. Он в детском доме, где преподавал послед-

ние годы. Туда к ребятам приходят бывшие воспитанники, теперь врачи, учителя, и они вместе обедают.

Я решил позвонить днём, в четыре часа. Но в этот час по телевизору передавали футбольный матч, и комментатор объявил состав команд. Играли братья Морару, которые, когда я кончил школу, были в первом классе. Я не стал звонить. Мне конечно ответили бы, что учитель приглашён на матч...

Около десяти часов вечера я решил снова набрать номер. В трубке раздались весёлый гул голосов, музыка, смех. Не успел я сказать и слова, как молодой женский голос заговорил:

— Это ты, Николай?

— Нет, это...

— Брось дурака валять, я узнала тебя. Купи немедленно торт. Такой, чтобы хватило на двадцать человек, и приезжай. Может, найдёшь с миндальным кремом, как он любит? Мы уже все собрались, и, знаешь, насчитали семнадцать профессий. Не хватает только тебя, метеоролог.

Я не стал доказывать ей, что она меня с кем-то спугала. Я быстро оделся и побежал в кондитерскую покупать торт на двадцать персон для... одинокого человека.

Перевод с румынского Ф. МИРЕНЕР

П О В Е С Т Ъ

**КУРЬЕР
ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ**

Засунув руки в карманы выдавших виды брюк, Яшка с беззаботным видом шествовал по проспекту. В конце концов ему было плевать на старого Илью и его тёмные делишки. Если бы не мамка, то вообще бы от него ничего не добились. Нашли себе тоже курьера особых поручений!

«Яшенька, — сладким голосом напевал Илья, — это письмо очень важное и срочное. Я не могу послать его по почте. Одна ножка здесь, другая там. В кафе не заходи. Вызовешь его по телефону. По-

нял?» Как не понять? Всё понятно. Если Яшенька не станет таскать этих писем, то в доме нечего будет класть на зуб. Всё держится на Яшеньке. Так говорит мамка. Почему она не такая, как все? Связалась с этим Ильёй, шепчется с ним по углам. Они думают, Яшка слепой.

Жаль, когда делали обыск, ничего не спросили у Яшки. Он нарочно под ногами вертелся. А эти Шерлоки Холмсы хоть бы что. Чудаки, сами хотели найти. Но Илья не дурак, он умеет прятать. А у Яшки не спросили. Он даже наводящие вопросы задавал. Не помогло. Гордые слишком. А спросили бы, он бы сразу: «Так чего же вы? Это не здесь. Это вот где».

Посмотреть, какие бы тогда у Ильи глаза стали. Наверное, вылезли бы на лоб и полопались от злости. Ведь про тайник только сам Илья знает да мамка. Больше никто.

Мамку жалко, конечно. Только какая она ему мать, если Яшка только затем и родился, чтобы её из тюрьмы выпустили. Сама рассказывала. В тюрьме, если с грудными детьми, то не держат. А кто у Яшки отец, он и не спрашивает. Не Илья же.

Анку, выходит, Яшка обманул. Сказал — не сидел в тюрьме, а сам, когда ещё не

Продолжение. Начало в «Искорке» № 9 за 1965 г.

родился, уже сидел. Только вообще-то это можно считать, что не сидел. Он Анке про это и хотел рассказать, а она испугалась, что проболтается.

Если теперь Илья узнает, как получилось с этим письмом, худо будет. Только разве Яшка виноват, что делают такие конверты: лизни — заклеился, чуть помни — расклеился.

Яшка достал письмо, погладил его на ладони. Хотел лизнуть, но передумал. Лучше уж дойти до почты и заклеить как следует.

В почтовом отделении пахло сургучом и ящиками для посылок. У окна загоразивали свет пальмы и фикусы. Яшка покрутил палочкой в жестянке с засохшим клеем и прочно запечатал письмо. Он даже легонько постучал по конверту, чтобы было прочнее. На кон-

верте остались грязные пятна. Яшка обследовал руки и вытер их о штаны.

С почты Яшка звонить не стал, — приказано было только из телефонной будки, чтобы никто не слышал.

Монета скользнула в щель и глухо звякнула внутри серебристого ящика. Вытянув подбородок, Яшка набрал номер. Диск заедало, и обратно его приходилось подталкивать пальцем. Альберт Казимирович, как всегда, спросил:

— Кого вам? Вы не туда попали.

— Ваш племяш, рупь на пряники, — заученно ответил Яшка.

— Вы не туда попали, — повторил Альберт Казимирович. — Это кафе.

В трубке запищали короткие гудки. Значит, всё в порядке. Можно идти на чёрную лестницу большого старого дома.

Когда Яшка передал Альберту Казимировичу письмо, тот, как обычно, напомнил:

— Уйдёшь раньше чем через час — уши оборву. И только через двор. На улицу носа не кажи.

Он погрозил пальцем и захрустел по ступенькам новыми полуботинками. На втором этаже у Альберта Казимировича жила родная тётка, к которой он иногда заглядывал в гости.

...Но к тётке на этот раз Альберт Казимирович не зашёл. Он спешил. На трамвайной остановке он вскочил в задний вагон и, как только трамвай тронулся, тотчас

спрыгнул. Потом он сел в следующий вагон и опять спрыгнул. Если за ним следят, то давно укатили на тех трамваях. После ареста Сумова Альберт Казимирович стал труслив и осторожен.

Фомича он уже подготовил. За разговорами с ним распита не одна поллитровка. Осталось договориться о деталях. Только бы он не отказался. Тогда хоть сам езжай. Больше некому.

— Один? — спросил Альберт Казимирович, появляясь в комнате Фомича.

Фомич, кряхтя, спустил с кровати ноги в толстых шерстяных носках и потёр ладонью пористый, похожий на варёную морковь, нос.

— Знамо, один, — кивнул он. — Весь вечер нос чешется. Это всегда к выпивке.

Альберт Казимирович ткнул на стол бутылку:

— Угадал твой нос. Тебе завтра в вечернюю смену?

— В вечернюю, — насторожился Фомич.

Водку пили небольшими гранёными стопками под зелёным, низко нависшим над столом, абажуром.

— Запоминай крепче, — объяснял Альберт Казимирович. — Доезжаешь до Лисьего Носа, сходишь с платформы и по линии идёшь вперёд. Увидишь берёзу. Большая такая. Она одна там. От этой берёзы пойдёшь в лесок. Шестнадцать шагов. Прямо от линии, никуда не сворачивая. Запомнил? Шестнадцать. Наткнёшься ещё на берёзку, на молоденькую. Тоже одна, там больше нету. Вот под этой берёзкой и будет свёрток. В авоське, под веточками.

— Сколько? — спросил Фомич.

— Один.

— На бочку сколько?
— Десятку.
— Нё, за десятку поищи другого дурака.

— Сколько же тебе?

— Четвертной.

— Хорошо, получишь двадцать пять. Но не вздумай разворачивать свёрток, обожжёшься.

— Чего в нём?

— Взрывчатка. Ударов не боится, но если начнёшь разворачивать... Дошло? Ну, будь здоров.

— Будь, — чокнулся Фомич и, подумав, поставил стопку. — Знаем мы эту взрывчатку. Зачем она тебе понадобилась-то?

— Рыбу глушить. Пей. Трёхнул, что ли?

— С моим удовольствием трёхнешь. Сам и вези, раз такое дело. Нё, за четвертной тоже не пойдёт.

— Сколько?

— Ещё десятку.

Альберт Казимирович сделал вид, что раздумывает. На самом деле думать было не о чем. Сумову он платил двести рублей. Но тот был свой, тот знал, что возит.

— Ляд с тобой, — вздохнул Альберт Казимирович. — Грабь меня. Тридцать пять, и больше ни копейки. Будь здоров. Будильник не забудь поставить. Первым поездом нужно, пока темно.

— Будь, — приподнял стопку Фомич.

— Свёрток отдашь буфетнице, — напомнил Альберт Казимирович. — Она чай и кофе

отпускает. Скажешь: кто-то на столике оставил.

Фомич плеснул из стопки в рот, понюхал солёный огурец:

— Не беспокойсь, директор, доставлю твой тротил в полном ажуре и с моим удовольствием. Будем жрать в твоём кафе глушёную воблу.

— Ты болтай поменьше, — нахмурился Альберт Казимирович.

— Это можно, — успокоил Фомич. — Это пожалуйста. Теперь бы ещё «маленькую», а?

— Будет с тебя. Завтра раздадим. По случаю счастливого возвращения.

И Альберт Казимирович взялся за шляпу.

МУЖСКОЙ РАЗГОВОР

Мама открыла Денису дверь и сказала:

— Наконец-то! Где ты пропал?

Отец гладил на кухне брюки. Он сунул на подставку утюг и вошёл в комнату.

— Сначала мы сидели в ложе и слушали оперу, — сказал отец, — а потом немного задержались в ресторане.

Мама строго посмотрела на него.

— Коля, я хочу поговорить с ним серьёзно.

— Я тоже, — согласился отец. — Сейчас ведь ещё только начало первого. Детское время. Вот если бы он явился в шесть утра, тогда да. Молодчина, Дениска. Ты и дальше валяй в том же духе. Пора приучать родителей к порядку. И не вздумай предупреждать нас или, там, оставлять запис-

ки, когда решишь исчезнуть на ночь. Нечего мать с отцом баловать, не маленькие. А если мама захочет поволноваться, то всегда капли имеются.

Только тут Денис заметил, что мама совсем бледная, словно сильно напудрилась, и в квартире пахнет лекарством.

— Мама, — проговорил Денис, — такое дело было... Ты не сердись. Я виноват, конечно...

— Расскажи, где ты был, — потребовала мать.

— Ты понимаешь, это такое дело...

— Я хочу знать, где ты был.

— Мама, можно я сначала папе расскажу? А если он решит... В общем, тебе, наверное, нельзя знать. Пусть папа решит.

— Очень приятно, — сказала мама. — Чрезвычайно приятно. У нашего сына появились дела, о которых мужчина может рассказать только мужчине. Что ж, у меня больше вопросов нет.

Она стала ходить по комнате и, скрестив на груди руки, растирала плечи. Денис дрожал от нетерпения. Он затащил отца в ванную и закрыл на задвижку дверь. Показав на вентиляционную сетку, шепнул:

— Только тише, через неё слышно всё.

Николай Николаевич заговорщически нагнулся к его уху.

— Послушай, здесь шибко жарко, — сказал он. — Может, лучше в уборную запрямся?

«У-у-у!» — загудела труба.

— Ты даже не представляешь! — проговорил Денис.

— Совершенно не представляю, — подтвердил Николай Николаевич, — как ты можешь так относиться к матери.

— Пап! — взмолился Денис. — Ты сейчас всё поймёшь!

— Ну, валяй, я слушаю, — сказал Николай Николаевич, пристраиваясь на краю ванны и вытирая со лба пот.

— Папа, ты узнал у старого льва, что такое «П 1000»?

— Это что, имеет какое-то отношение к твоему опозданию?

— В том-то и дело. Ещё не узнал, нет?

И Денис, торопясь и захлёбываясь, рассказал, какая история приключилась сегодня на полянке у дуба.

— Яшка — это такой с расплюснутым носом? — спросил отец.

— Ну да.

— Фамилия Лещ?

— А ты его знаешь?

— Немного. Видать, хороший парень, этот твой Яшка Лещ. Ты себе друзей выбираешь что надо.

— А чего же его, высаживать? — буркнул Денис.

Николай Николаевич немного замялся.

— Это вообще-то, конечно... А у дома ты зря стоял. Там парадная проходная. Лещ вошёл с улицы, а ушёл через двор.

— Откуда ты знаешь?

— Специальность у меня такая, — сказал папа. — Как ты думаешь, он тебя не заметил?

— Ты что!

— Уверен?

— Во! — чиркнул Денис пальцем по горлу.

— Предположим, — задумался Николай Николаевич и вытер со лба пот. — Предположим...

— А он на почте в ящик письмо не бросил? — спросил Денис.

— Вряд ли, — проговорил Николай Николаевич. — Стоит ли из-за этого в город ехать. Идём-ка.

Они вошли в комнату. Мама всё ещё зябко растирала плечи.

— Мать, — сказал Николай Николаевич, — прости нас, по-

жалуйста. Совершенно особый случай. В ложе не сидели, в ресторан не заглядывали. Выполнили важное поручение. Ты нам веришь?

— Пока да, — улыбнулась мама.

Он обнял её и поцеловал.

— Вот и хорошо. Ложитесь-ка спать. А мне нужно в одно место съездить. Совсем из головы вон.

— Коля! — удивилась мама.

— Нужно, — сказал Николай Николаевич и чиркнул себя пальцем по горлу. — Во как нужно! Думаешь, я зря гладил брюки?

ВЗРЫВЧАТКА

Альберта Казимировича Кууза вместе с Фомичом и авоськой, которую «кто-то забыл на столике кафе», доставили в управление в закрытой машине с красной полосой вдоль бортов. Прежде в подобных машинах Альберт Казимирович не катался и поэтому немного нервничал.

— Это шантаж, — твердил он. — Привели незнакомого человека, заставили меня развёртывать какой-то свёрток.

— Безобразие! — в тон ему возмущался Николай Николаевич. — И Фомича вы, конечно, совершенно не знаете.

— Да, я увидел его впервые. Те времена, когда подстраивали такие штучки, давно прошли, товарищ майор.

— А не знаете ли вы Бахромцева?

— Нет.

— И Сумова, конечно, тоже не знаете?

— Не знаю.

— И никакого золота вы никому не продавали?

— Нет.

— Странно. Значит, вышло недоразумение. А у меня, понимаете, недавно был человек, который показал, что скупал у вас золото.

— Какое золото?

— То, что лежало в пакете, который вас заставили развернуть. То, которое раньше вам привозил от Бахромцева Сумов и за которым вы теперь послали Фомича.

— Ложь! — воскликнул Альберт Казимирович.

Николай Николаевич сокрушённо развёл руками.

— Что ж, если ложь, мне остаётся только одно: извиниться перед вами и отпустить. А с сотрудников за недоразумение я взыщу.

— Издеваетесь?! — взвизгнул Кууз.

— Вот те раз! — удивился Шапранов. — Но если вы совершенно невиновны... Между прочим, вы не очень торопитесь?

— К сожалению, тороплюсь. У меня работа.

— Тогда всего несколько вопросов. Какую записку вчера вечером принёс вам Яков Лещ?

— Я не знаю никакого Леща.

— Вот это уж совсем зря, — поморщился Николай Николаевич. — Нельзя же теперь отказываться от всего света. Так вы, чего доброго, заявите, что и Тосю не знаете.

— Какую Тосю?

— Из парикмахерской.

— При чём здесь она?

— Значит, её вы знаете?

— Немного.

— Вот так лучше. Я расскажу, при чём здесь Тося. Как-то вы познакомили её с Сумовым. Этот самый Сумов хорошо знал, что пакеты, которые он возил из Лисьего Носа, начинаются отнюдь не взрывчаткой. Знал он также, кому вы продаёте золото. К одному из ваших постоянных клиентов он и забрался в квартиру. К сожалению, ваш клиент умолчал, что у него пропало золото. Испугался. Он сказал

нам об этом лишь на днях. Ну, Сумова мы, разумеется, взяли быстро. И вот какую интересную запись в его книжечке нам удалось обнаружить.

Николай Николаевич протянул Альберту Казимировичу книжицу, раскрытую на том месте, где было записано: «П 1000. Берёз. 16. Альберт 200. Мне 200. Ост. Бахр.».

— Как видите, всё чёрным по белому.

— Идиот, — прошептал Альберт Казимирович.

— Пожалуй, — согласился Шапранов.

— Но я был только передаточным звеном, — забормотал Альберт Казимирович. — Только. Вы это учтите. Я не воровал.

— Вы только продавали ворованное, — подсказал Шапранов. — Расшифруйте, пожалуйста, что здесь записано. «П 1000» — это что?

— Это значит: примерно на тысячу рублей.

— Золота и драгоценностей?

— Да.

— Неплохой оборот. Дальше: «Берёз. 16»?

— Шестнадцать шагов от берёзы.

— Дальше.

— Бахромцев давал нам по двадцать процентов с выручки. Остальное брал себе. Но продать на тысячу рублей удавалось не всегда. А он всё равно требовал себе шестьсот.

— Выходит, вам с Сумовым доставалось по двести?

— Как правило, меньше.

— Что, не очень бойко раскупали?

Альберт Казимирович вздохнул и не ответил.

Они беседовали долго. Кууз курил папиросу за папиросой. Он откровенно выкладывал всё, что знал. Запираться не имело смысла. Он даже почти успокоился. Его охватило странное безразличие. Даже не было злости на Сумова. Была только страшная усталость, такая, словно целый день таскал на спине тяжёлые мешки.

ОСКОРБЛЁННЫЙ РЫЦАРЬ

В окнах горел свет и двигались тени. Яшка вытащил из штанов рогатку. Из другого кармана достал маленький, чуть больше горошины, камешек. Чтобы камешек ласково стукнул в стекло, нужно иметь верный глаз и точную руку. Яшка оттянул резинку левой.

«Дзын-н-н!» — тихо пропело окно.

Ответного сигнала не последовало.

Яшка подождал и прицелился снова.

«Дзын-н-н!..»

Опять ничего. Выходит, зря он сегодня отмывал с мылом шею и уши. Он даже в парикмахерскую сходил и надел лучший костюм, который мамка даёт только по праздникам. И хотя этот костюм он надел ещё и по другой причине, всё равно было обидно.

На всякий случай Яшка послал ещё один вызов. На этот раз горшок с фикусом передвинулся с одного края подоконника на другой.

Анка вышла во двор какая-то странная. И голос её прозвучал странно, словно изда-лека.

— Чего ты? — удивился Яшка.

— А что?

— Нет, так просто.

На проспекте разгорались ртутные лампы. Торопились по своим делам прохожие. У детских колясок сидели мамы. Мимо прошли парень с девушкой. Они держали друг друга за руки, как детишки из детского сада, когда их выводят на прогулку.

— У тебя папа водку пьёт? — спросила вдруг Анка.

— Нету у меня его, — нахмурился Яшка. — Я же тебе говорил.

— Ну, который вместо.

— Жлоб он, — сказал Яшка.

— А у меня напился.

— Ну и что?

— Ничто. Противно просто.

— Подумаешь, нежности. Если бы у меня он был, пусть бы сколько хочешь напивался.

— А мне противно. Возьмёт и ни с того ни с сего напьётся.

— И что?

— Ничто. Не люблю я его. Ненавижу прямо.

— Разве за такое ненавидят? — удивился Яшка.

— Конечно.

— И ты прямо так ему и говоришь?

— Не-а, — покачала головой Анка.

Яшка спросил:

— А если что-нибудь знаешь и не говоришь, это ведь тоже врёшь?

— Тоже, — согласилась Анка. — Только я ещё не совсем

точно знаю, люблю я его или нет. Я только когда он выпьет. У меня вообще-то и глаза как у него, и нос.

— Значит, любишь, — решил Яшка.

Анка пожала плечами.

— Противно только, — сказала она.

Они перебрались через железнодорожную насыпь. Парк встретил их тишиной и острым запахом прелых листьев.

— Нужно всегда говорить то, что знаешь, и то, что думаешь, — сказал Яшка.

— Вообще-то нужно, — со вздохом подтвердила Анка.

— Хочешь, я тебе что-то скажу? — спросил он.

Она подняла на него глаза.

Яшка набрал побольше воздуха и выпалил:

— Я тебя люблю.

— Совсем даже не умно, — без особого удивления отозвалась она. — Даже глупо в твоём возрасте.

— Ты что, не веришь?

— Ни капельки.

— Ну и дура тогда, — обиделся Яшка. — Я как только тебя увидел... Знаешь? И вообще я для тебя чего хочешь.

— Совсем-совсем, чего хочешь?

— Конечно.

— Тогда сейчас мы идём к Гоше, и ты перед ним извинишься, — сказала Анка.

— Чего это? — удивился он.

— Того, что бить людей стыдно и гадко.

— Вот ещё! Я же ему за дело выдал.

— А теперь извинишься.

— Ну уж дудки.

— Нет, извинишься.

— Нет, не буду.

— Ах, так? Врун ты. А ещё сказал — совсем-совсем.

Она повернулась и ушла. Яшка стоял и растерянно тёр ладонью мытую шею. Приветик! Теперь ещё нужно и перед Анкой извиняться.

Он догнал её, когда она уже сворачивала на свою улицу.

— Графиня, не сердитесь.

Она отвернула лицо.

Он зашёл с другой стороны:

— Я лучше чего хочешь другое сделаю.

— Я хочу, чтобы ты извинился.

— Извините, пожалуйста, — сказал Яшка.

— Перед Гошей.

— Так он же тип.

— Всё равно.

— Принцип, да?

— Нет, это очень нужно.

— Кому нужно?

Анка остановилась:

— Я же тебе говорила, что мы его перевоспитываем. Он не пропащий какой-нибудь. Ему тоже трудно. У него знаешь мать какая.

— Мать? Какая у него мать?

— Такая. У меня папа и то лучше.

— Фу ты, ну ты, — пропел Яшка. — Так он же совсем не потому тип.

— А почему же?

— Почему, почему, — передразнил он. — У тебя вон тоже отец, а ведь ты не тип.

— Яшка, не смей! — топнула ногой Анка.

— Подумаешь, — сказал он, — нежности какие. Ладно, идём к твоему Гоше.

На вздёрнутом Яшкином носу возмущённо раздувались ноздри. Он готовил себя к унижительной процедуре. Ему смотреть было тошно на этого Гошеньку. И вдруг — простите, пожалуйста. Наше вам с кисточкой.

— Идём, — повторил он и зло сплюнул сквозь зубы.

— Яшка, не плюйся, противно! — крикнула Анка.

— Ты что? — удивился он. — А мне, думаешь, не противно?

Он чувствовал себя оскорблённым рыцарем, гордым и великодушным. Он клал к ногам дамы своё поганное достоинство. В награду за это он считал возможным разговаривать с ней не очень любезно и даже грубо.

— Ну? — крикнул он.

Анка улыбнулась.

— Смешной ты, Яшка, — сказала она. — Но вообще-то в тебе что-то есть... настоящее.

ПУСТО-ПУСТО

Ребята играли в мяч. Стояли на площадке перед домом и пасовались. Больше, конечно, играли взрослые парни и девушки. А Денису с Олей мяч почти не доставался, его перехватывали у них над головами.

Гоша скучал на скамейке.

— Иди сюда, Гош, — позвала Анка.

— Чего? — откликнулся он.

В сумерках Гоша не разобрал, кто стоит рядом с Анкой. Он подошёл и, как только узнал живоглота с ноздрями, испуганно напыжился.

— Давай мир, — буркнул Яшка, протягивая руку.

Такого оборота Гоша не ожидал. Когда человек просит мира, значит у него дела плохи. Гоша у какого-нибудь слабака ни за что не стал бы просить мира. И поэтому Гоша почувствовал себя сильным.

— Да? — сказал он. — Теперь так мир! Сразу перепугался. Не хочу я с тобой мириться. Погоди вот ещё...

— Гоша! — укоризненно вздохнула Анка.

— Чего Гоша? — возмутился он.

Яшка стоял, набычив голову, и сопел.

— Не хочу! Все вы одинаковые! Тебя снова в тюрьму надо. Я ещё...

Гоша не договорил. Яшка схватил его за отвороты пиджака и потряхнул.

У Гоши лязгнули зубы. Гоша сразу вспомнил, кто слабый и кто сильный. Всё мгновенно встало на свои места.

Яшка отпустил его. Анка даже не успела вмешаться.

— Мир? — угрюмо спросил Яшка.

Гоша молча протянул руку.

— Чудаки, — улыбнулась Анка и предложила: — Идёмте вон там посидим.

— Не пойду я, — буркнул Гоша.

— Ну! — сказал Яшка.

Они уселись на детской площадке, в беседке под грибом.

— Гош, у тебя отец водку пьёт? — спросила Анка.

— На праздники только, — пробормотал Гоша.

Помолчали. На площадке глухо стучал мяч и вскрикивали девочки.

— А ты его любишь? — спросила Анка,

— Люблю.

— За что?

— Он добрый.

— Добрый, — хмыкнула Анка. — За это не любят. А маму?

— Тоже люблю.

— А Олю?

— Ты что, ненормальная? — испугался Гоша.

— А ты трус, — сказала Анка. — Нужно всегда говорить то, что думаешь. Это будет почестному. Вот Яша не боится говорить, что думает. Правда, Яша?

— Тра-ля-ля! — запел Яшка. Он, конечно, был не трус, но

всё равно испугался, что Анка сейчас возьмёт и всё выложит.

Странный человек эта Анка. Она может такое отколоть, что потом неделю чесаться будешь. Яшка боялся, что она возьмёт сейчас и отколет про то, что он говорил ей в парке. Поэтому он срочно потащил её домой.

— А то мне ехать пора, — уговаривал он.

— Ну и езжай на здоровье.

— Графиня, за кого вы меня принимаете? Я обязан доставить вас к дому.

— Я и сама доставлюсь, — отнекивалась Анка. — Чего ты ко мне привязался?

— Фу, как грубо, графиня.

Он всё же уговорил её. Да и время, действительно, было уже позднее.

Проводив Анку, Яшка не пошёл на станцию. Он вернулся обратно. На площадке уже никого не было. Только за шатким самодельным столом какие-то дяди при свете керосиновой лампы играли в домино. Костяшки звонко стучали по доскам.

От этого стука Яшке стало неуютно и сиротливо. Тревогой сдавило сердце. Он знал, откуда эта тревога. Всегда страшно сделать первый шаг в неизвестность. Когда его сделаешь, станет легче.

Яшка медлил. Он обошёл вокруг дома. Костяшки стучали зло и ритмично. Он обошёл ещё раз. Стук наступал и давил. Казалось, издалека медленно и угрожающе приближается человек в сапогах.

Яшка подошёл к столу. Шу-
рясь на лампу, заглянул через
спины.

— Четыре — пусто, — ска-
зала спина и стукнула по дос-
кам ладонью.

— Пусто— пусто, — сказала
другая и тоже стукнула.

Лампа подпрыгивала и коп-
тила.

Сердце в груди у Яшки би-
лось неровно и часто. Не огля-
дываясь, он пошёл к парадной.
Он пошёл решительно, как в
собственный дом. В голове
толчками шумел голос: «Пу-
сто— пусто, пусто — пусто».
Наверх вели шершавые, ещё
не отполированные ногами и
временем ступени. Он думал,
их будет много. Их оказалось
мало. Ему хотелось идти ещё.
Но идти дальше было некуда.

На звонок высунулся Денис.

— Чего тебе? — удивился
он.

— Приветик, — улыбнулся
Яшка, сразу нащупав привыч-
ный тон и успокаиваясь.

— Поздно уже, — сказал
Денис. — Чего ты?

— Поговорить нужно.

— Завтра, — нахмурился
Денис.

— Сегодня, — сказал Яш-
ка. — Только не с тобой, с от-
цом твоим. Дело есть.

Денис отступил. Яшка с на-
гловатым видом ввалился в
прихожую.

— Яков Лещ? — встретил
его Николай Николаевич. —
Вечер добрый.

— Честь имею, — отозвался
Яшка. — Очень рад.

— В гости?

— Ответный, так сказать,

визит, — поклонился Яшка. —
Как культурный человек.

— Чайку попьёшь?

— Не стóит беспокоиться.
Я по делу.

— Вот как? Что ж, выкла-
дывай своё дело.

Яшка стрельнул зелёным
глазом на Дениса. Николай
Николаевич понял:

— Желаем без свидетелей?

— Совершенно верно, —
подтвердил Яшка.

Денис вспыхнул и отвер-
нулся.

— Сложное положеньице, —
вздыхнул Николай Николае-
вич. — Там жена спит, тут то-
же, понимаешь... У нас, пра-
вда, ещё ванная есть. Очень
удобное место. Дверь глухая и
закрывается на задвижку.
Полная гарантия. Устроит?

Но Денис заявил, что ему чужих секретов не нужно, и удалился на кухню.

— Что ж, Яков Лещ, — сказал Николай Николаевич, — выкладывай своё дело.

Яшка пересел со стула на диван, вплотную придвинулся к Николаю Николаевичу. Оглянувшись на дверь, шепнул:

— Милиция тоже... Я же вам тогда наводящие вопросы задавал. А вы? И разве так ищут? Вы Илью не знаете. Это же такой тип. У него прямо у всех на глазах запрято. Вы сто раз мимо проходили.

Яшка прильнул к уху Николая Николаевича и зашептал.

— Стой ты, — отдернул Николай Николаевич голову. — Всё ухо прощекотал.

Он повертел в ухе пальцем и попросил:

— Ты не торопись и не шипи. И вообще, может без уха обойдёмся?

— Нет уж, — сказал Яшка. Выложив свое дело, он поднялся. На уговоры остаться переночевать отрицательно покачал головой:

— У меня есть где ночевать. У меня здесь тётка недалеко живёт.

Тётки у Яшки не было. Но домой он твёрдо решил не возвращаться. Он потому и костюм надел парадный. И золотые монеты он копил именно к этому дню.

Дорога домой была отрезана. В голове снова застучал голос: «Пусто — пусто, пусто — пусто...» И Яшке на минуту стало жутко.

Но только на минуту. Он знал, куда нужно идти. Он уже давно всё обдумал.

(Окончание следует)

Герои твоих книг

Один мой старый приятель, литератор по профессии, давным-давно собирает марки. Работает он много, зачастую даже ночами, но едва услышит, что где-то у кого-то выменивается нужная ему марка, — помчится за находкой, как говорят, хоть на край света. Вначале я предполагал, что у такого коллекционера, вероятно, много-много тысяч различных марок. Как-то я спросил его об этом.

— Прїезжай, посмотришь, — как-то загадочно улыбнулся он.

И вот вынимает он из шкафа всего-навсего три не таких уж больших альбома и торжественно кладёт передо мной.

— Это всё?

— Всё, — ответил он.

Откровенно говоря, я несколько разочаровался. Столько лет гонялся человек за марками и собрал всего лишь три альбома — несколько сот марок... Приятель уловил мой разочарованный взгляд.

— Разве дело в количестве? — улыбнулся он. — Давай смотри...

И когда я начал листать один альбом, потом второй, третий, то понял, как ошибался, оценивая коллекцию только по количеству марок.

Дело в том, что старый писатель собирал не все выходящие в свет марки, далеко не все. Он «охотился» лишь за теми, содержание которых было родственно его профес-

сии. Короче говоря, лишь одна тема владела помыслами этого убеждённого сединами филателиста. Тема эта — литература. В первом альбоме он поместил марки с портретами писателей всего мира и с эпизодами из их жизни. Второй альбом был отдан литературным героям, а на страницах третьего нашли пристанище марки с изображением широко известных книг, являющихся сокровищами мировой литературы.

— Дорогой мой, разве же можно собирать буквально все марки, выходящие во всех странах земного шара. Ведь их уже появилось много более трехсот тысяч, — говорил мне приятель. — Где ты их разместишь, сколько альбомов для этого нужно, какие огромные средства для этого требуются, а вре-

мени, сколько надо времени! Я знаю одного такого чудака, который любую марку тащил в свой альбомы. И что же? Всего у него понемножку и ничего полного. Нет, лучше выбрать какую-нибудь тему по душе и собирать марки на эту тему. Но только уж полно! Вот тогда-то и получишь настоящее удовольствие.

Я убедился, насколько он прав, мой старый приятель. Тысячу раз прав!

Сегодня я посвящу свой рассказ его второму альбому, на страницы которого слетелись литературные герои — многие герои ваших любимых книг.

Альбом этот вроде большой гостиницы. Собранным сюда гостям отведены отдельные номера. Хозяин этой гостиницы, мой приятель, разместил всех очень разумно. Герои русских книг живут на одних страницах альбома, герои французских произведений — на других, испанцы — на третьих. И в альбоме есть ещё немало свободных «номеров», где с радостью разместят новых гостей, только повись они на марках.

Итак, прошу вас, друзья, в литературную гостиницу. Кому прежде всего нанести визит?

Вот величественный Руслан, герой поэмы А. С. Пушкина. Марка, на которой он изображён, появилась пять лет назад в серии «Русские народные сказки и сказочные мотивы в литературных произведениях». Рядом живёт ещё один литературный герой, прибывший сюда со страниц бессмертных пушкинских книг. Это Евгений, герой знаменитого «Медного всадника». Художник изобразил его около памятника Петру I. Небо покрыто свинцовыми облаками, вскипает бурная Нева, скоро она выйдет из своих берегов.

А что это за русские крестьяне, поселившиеся рядом с пушкинскими героями? Ба, старые знакомые! Те самые, которые загнали волка на псарню, в знаменитой басне дедашки Крылова. Марка эта вышла в свет в 1959 году.

А это кто сбегает с лестницы, восклицая: «Карету мне, карету!»? Ну, вы, конечно, узнали Чацкого, удирающего из душной, мещанской Москвы. Марка с Чацким также вышла в 1959 году.

Откроем двери еще одного из номеров литературной гостиницы. Он забит до отказа. В центре, развалиясь, сидит молодой человек, а перед ним стоит, вытянувшись в струнку, солидный дядя при эполетах и шпаге. Вокруг разношёрстная толпа чиновников. Да ведь это же старые знакомые: известный хвостун Хлестаков, городничий, Бобчинский и Добчинский!.. Кстати, Хлестаков и городничий изображены не только на советских, но и на болгарских марках. Они вышли в серии, посвящённой столетию национального болгарского театра.

Рядом с шумной компанией из гоголевского «Ревизора» разместился грузный Тарас Бульба. Марки с Тарасом также изданы не только в нашей стране, но и в других государствах. Одну из них, выпущенную в Румынии, мы воспроизводим на страницах нашего журнала. Она очень красива. С шашкой наголо мчится на своём скакуне старый сивоусый запорожец — гроза недругов родной земли.

А это что за странная фигура? В галяхах, с зонтиком в руке, с поднятым воротником, с угрюмым, мрачным взглядом. Догадались, наверное. Это знаменитый чеховский «Человек в футляре». Каким мелким, незаметным кажется он здесь, среди настоящих героических личностей, воспетых нашими великими писателями. Я вам сейчас опишу одну марку, которая, несмотря на свои скромные размеры, всегда производит на меня волнующее впечатление. В центре, поднявшись над толпой, стоит старая женщина.

Жандармы схватили её сына. И тогда она, раскрыв чемодан, вынула пачку революционных прокламаций, начала бросать их в проходящие мимо рабочие ряды. Полицейский силится отнять у неё чемодан, но крепко держит его старая женщина. Это знаменитая «Мать», героиня одного из лучших произведений Максима Горького.

Тут же мы встретим другого литературного героя. Книга, в которой он живёт, переведена на десятки языков. Многие и многие не расставались с ней даже в чёрные годы войны. Её находили и в вещевых мешках бойцов, павших на

поле боя, и в тюремных камерах, где узники фашистов умудрялись тайком читать эту необыкновенную книгу. Догадались? Ну, конечно же это Павка Корчагин, герой любимейшей книги передовой молодёжи всего мира — «Как закалялась сталь».

Ещё в одном из номеров литературной гостиницы поселилась группа весёлых ребят. Это ваши старые друзья, Пройдут годы, вы станете взрослыми, солидными людьми, а всё равно никогда не позабудете дорогих героев ваших юных лет.

Примечательна сама история марки, на которой изображены эти герои. В Министерстве связи СССР начали поступать письма из многих городов и сёл нашей страны. Письма были коллективные, составленные от имени пионерских дружин, школ, отрядов, классов и даже отдельных звеньев. Все они в один голос просили выпустить почтовую марку, посвящённую лю-

бимому писателю советской детворы Аркадию Гайдари и его литературным героям. Просьба ребят была уважена. Изготовлять такую марку поручили известному художнику-миниатюристу Евгению Анискину. Вскоре она вышла в свет. Справа на марке — портрет улыбающегося Гайдара, а слева — герои его изумительных книг. Они выстроились маленькой шеренгой. На правом фланге в старой, издававшей виды буденовке, стоит Мальчиш-Кибальчиш, отчаянный и храбрый маленький воин, смело пошедший на решительный бой со всеми буржуинами земли. Рядом с ним дру-

гой, не менее знаменитый гайдаровский герой Тимур, организатор первой команды тимуровцев, родоначальник широкого патриотического движения советских пионеров. Замыкают шеренгу Чук и Гек. В левом углу марки помещены автограф Гайдара и три слова, определяющие образ этого замечательного писателя: «Боец, писатель, коммунист».

А кто этот скуластый человек с раскосыми глазами, в меховой одежде, попыхивающий маленькой трубочкой? Это верный и неизменный спутник известного писателя-путешественника В. К. Арсеньева, его друг и проводник Дерсу-Узала. Арсеньев родился в нашем городе, но большую часть своей жизни посвятил исследованию советского Дальнего Востока. Там в уссурийской тайге он и повстречал Дерсу-Узала, именем которого назвал одну из своих книг. На марке, вышедшей в 1956 году в честь В. Арсеньева, изображён и литературный его герой.

Теперь давайте поднимемся на следующий этаж литературной гостиницы. Живут там герои книг, написанных в других странах. Кто из вас, к примеру, не читал сказок Шахразады? Тысячу и одну ночь рассказывала она их жестокому халифу Шахрияру, каждый раз обрывая очередную сказку на самом интересном месте. Ведь кровожадный Шахрияр до этого убил всех своих жен. Но когда его женой стала Шахразада, она так увлекла своими сказками грозного владыку, что казнь приходилось всё откладывать и откладывать. Так продолжалось тысячу и одну ночь. После этого халиф решил не казнить Шахразаду.

В Венгрии выпустили необыкновенно красочную серию из девяти марок. На них художник воспроизвёл героев сказок «Тысячи и одной ночи». Тут и Синдбад-мореход, проделавший семь невероятных путешествий и переживший десятки захватывающих приключений. Тут и Аладдин с его волшебной лампой. Ещё на одной марке показан зна-

менитый Али-баба возле пещеры, где сорок разбойников хранят несметные сокровища.

А что это за два всадника, медленно передвигающиеся по выгоревшим от жары пустынным просторам Ла-Манчи? Догадаться нетрудно. На коне в латах и с копьем в руках восседает «Рыцарь печального образа» Дон-Кихот Ламанчский, а на осле — его верный оруженосец и слуга Санчо-Панса. Дон-Кихот изображён на марках многих государств: Испании, Аргентины, Уругвая. Мы воспроизводим марку, вышедшую в Испанской Сахаре.

Вот два почтовых знака, вышедшие в Швейцарии. На одной из них изображён мужественный, сильный человек с луком в руке, на другой — маленький мальчик, держащий яблоко с вонзившейся в него стрелой. Это знаменитый стрелок Вильгельм Телль и его сын. О Телле написано много книг. Одна из лучших принадлежит перу немецкого писателя Фридриха Шиллера. Лук и яблоко показаны на марках далеко не случайно. Вильгельм Телль был свободолюбив. За это его ненавидел правивший в тех местах феодал. Он-то и заставил меткого стрелка Вильгельма Телля показать своё искусство. Да каким жестоким спосо-

бом! На голову маленького сына стрелка было положено яблоко. Стоило руке отца дрогнуть, и мальчик был бы убит. Но этого не случилось.

А кто эта маленькая девочка с корзиной в руках, наполненной всякой снедью? И тут догадаться просто, если взглянуть на головку девочки. На ней красная шапочка. В ФРГ выпущена специальная серия, на которой рассказывается история Красной Шапочки.

В ранней молодости я читал книгу великого французского писателя Виктора Гюго «Собор Парижской богородицы». Я забыл обо всём на свете, пока не дошёл до последней строчки очень страшной и грустной повести о жизни цыганки Эсмеральды. Много лет прошло с тех пор, но живо предстают передо мной сцены этой изумительной книги. И вот в коллекции моего приятеля я неожиданно встретил героев произведения знаменитого французского романиста. На венгерской марке, посвящённой Виктору Гюго, воспроизведён волнующий эпизод: звонарь собора Квазимодо тайком уносит Эсмеральду. На заднем плане изображены старинные башни и пылающий костёр, к сожжению на котором была приговорена юная цыганка.

Пять лет назад советская почта выпустила знак в честь известного американского писателя Марка Твена. Слева на марке изображён домик во Флориде (штат Миссури), где родился писатель. Справа — памятник в американском городе Ганнибале. Памятник этот необычный. Хотя он и воздвигнут в честь Марка Твена, но ни бюста, ни фи-

гуры его мы не увидим на пьедестале. Кого же поставил сюда скульптор Хибберд? Двух шагающих мальчишек, увлечённых разговором. Это знаменитые герои книги Марка Твена, неразлучные друзья Том Сойер и Гекльберри Финн.

В Венгрии также выпустили марку, посвящённую Твену. На ней воспроизведены герои другой знаменитой книги: «Принц и нищий».

Вы заметили, ребята, что марки в честь американского писателя выпущены в СССР, в Венгрии... А в США? Несмотря на огромную известность, у себя на родине Твен не удостоился такой чести. Правители США не могут простить знаменитому писателю его беспощадную сатиру, обличавшую сильных мира сего, американских капиталистов и их порядки.

Одна из венгерских марок переносит нас в келью средневекового учёного. Он склонился над древней пергаментной рукописью. Это доктор Фауст, герой поэмы немецкого писателя Вольфганга Гёте. Рядом с доктором — закутанный в плащ Мефистофель, который обещает Фаусту вернуть молодость, если он продаст ему свою душу.

Перелистывая альбом литературных героев, я надолго задержался на странице, которая отдана знаменитому писателю-фантасту Жюлью Верну. Это был поистине гениальный сочинитель. Сто лет назад он описал ряд крупнейших изобретений и событий, которые его современники воспринимали как несбыточную сказку, а в наше время многое из захватывающей фантастики Жюль Верна стало действительностью.

В 1955 году к пятидесятилетию со дня смерти писателя в Монако выпустили в обращение красочную серию, на которой мастера миниа-

туры запечатлели эпизоды из многих произведений Жюль Верна. Вот иллюстрация к книге «Пять недель на воздушном шаре»: гигантский слон, на бивнях которого запутался трос сброшенного с гондолы якоря. На другой марке — «Вокруг света за 80 дней». В центре виднеется мост через Темзу в Лондоне, а по бокам представители народов тех стран, которые удалось посетить за рекордное для тех лет время. Сейчас вокруг света можно облететь меньше чем за сутки.

Кто из нас с замиранием сердца вместе с Жюлем Верном не спустился в глубь планеты, читая его книгу «Путешествие к центру земли»? Эпизоды этого фантастического приключения также запечатлены на одной из марок. Мало кто знает, что французский писатель одно из своих произведений посвятил приключениям русского человека, Михаила Строгова. Герой этой книги показан на марке скачущим сквозь лютую сибирскую вьюгу.

А вот и подводный корабль «Наутилус», которым командовал знаменитый, благородный, таинственный капитан Немо. Во времена Жюль Верна такой подводный «Наутилус» был, конечно, фантазией, а в наши дни таких кораблей множество. Один из самых популярных романов Жюль Верна — «Из пушки на Луну». Старт ядра с путешественниками тоже запечатлён на марке. А ведь совсем

уже олизко время, когда мы будем свидетелями настоящего полёта к ночному светилу.

Я рассказал вам лишь о части марок с воспроизведёнными на них литературными героями и эпизодами. На самом деле их гораздо больше. Попробуйте и вы поискать такие марки, напишите нам о них, — в какой стране они выпущены и чему посвящены?

Задам вам ещё один вопрос: в свое время выходили марки, на которых были изображены знаменитая Русалочка Ганса Андерсена, три мушкетёра и таинственный граф Монте-Кристо — герои романов Александра Дюма. В каких странах и почему именно там были изданы эти марки? Ждём ваших ответов.

Э. МИРОНОВ

Весёлое мужество

(ТЕКСТ К ФОТОГРАФИЯМ НА 3-й СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ)

ВЫ ВИДИТЕ, как выгнула дугой спину трусливая кошка при виде двух ежей? Конечно, она бы так не испугалась и не тарасила свои зелёные глаза, если бы знала, что ёжики всего лишь колючие кожурки от каштанов. А сами каштаны превратились в целую семью лесных весёлых человечков. Чей-то наблюдательный глаз подсмотрел в двух желудях унылых монахов-напуцинов, а кусок проволочки в умелых руках завернулся в озорного оленёнка на тонких быстрых ногах.

Посмотришь на них и подумашь: наверное жизнерадостным человеком и в весёлую минуту оживил их художник.

Всё почти так и есть. Только минута была невесёлая. Всё было иначе. Меньше всего думала Наталия Ман (так зовут автора всех этих самоделок), что когда-нибудь станет художницей. В детстве она даже не умела рисовать. Зато умела мечтать. И мечтала о море. Об огромном море, шумящем у далёких берегов. Может быть потому, что была она дочкой капитана дальнего плавания. А может, просто уродилась такой фантазёрной. Скорее даже последнее. Одно огорчало Наташу, что мальчишкам легче стать моряками. Ну так что же! Ведь стала же первой женщиной-капитаном дальнего плавания Щетинина?

Но в мореходное училище её все-таки не приняли. Обидно? Конечно. Но что делать? Только не отступать.

Наташа Ман стала студенткой географического факультета Ленгосуниверситета, по специальности «океанолог». Это даже оказалось интереснее! Плавать она всё равно будет. Ведь не на суше же моря изучаются!

Она будет исследовать волнения моря. Откуда берутся волны, как рассчитать их силу и направление. Вот тема её работы. После окончания Университета она получила назначение на судно-лабораторию «Витязь». Мечта сбылась. Она на палубе корабля, и вокруг океанская гладь. Но Наташа ждёт штормов. Ещё бы! Ведь её специальность — волны. А разве изучишь их в спокойном море? Чем больше буря, тем ей веселее, тем успешнее идёт работа.

Так было и в тот штормовой день. Океан бушевал. С капитанского мостика видели, как Наташа Ман упорно следила за приборами, измеряя высоту волн. Это было самое удачное и подходящее время для её работы. Но море не так-то просто открывает людям свои вековые тайны. Его победить непросто. Коварная косматая волна подкралась сзади и, как рычащий зверь, поднялась на дыбы. Многотонная масса воды обрушилась на Наташу и изо всей силы ударила о палубу. Только чудом можно объяснить, что её не смыло за борт. Чудом она осталась жить, пролежав без памяти много беспроектных дней. Конечно, не совсем чудом. Врачи, друзья, её собственный организм — спортсменки, морячки — победили. Хотя и с большими потерями. С мечтой о море пришлось расстаться. А что же теперь?

Как-то случайно, ещё на больничной койке, Наташа свернула почти машинально из кусочка проволочки весёлого оленёнка. К 8 Марта вся палата увлеклась изготовлением «оленят». Они предназначались в подарок сёстрам, врачам, нянечкам. Всем нравились забавные зверюшки. Так от желания сделать что-то радостное людям родились потом и смешные гномики, болтливые кумушки, лихие беззаботные матросы.

С каждой новой фигуркой Наташа втягивалась в творчество. Оно стало смыслом её жизни. Вновь пришло увлечение и радость любимого дела.

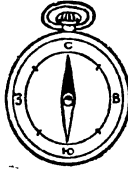
Ведь никто не знает, сколько скрыто в человеке способностей. И Наташа, может быть, не узнала бы этого никогда. А оказывается, в ней жил весёлый художник, фантазёр.

Сейчас Наталия Ман мечтает сделать кукольную сказку для ребят о похождениях весёлых лесных человечков, которые ходят в гости к тётушке Бруснике. И та печёт им блины величиной с копейку. Наташа уже представляет их в кусочках мягкого пластилинового теста. Думает она и о приключениях весёлых морячков, которым не привыкать к бурям и рифам. Да мало ли что может придумать человек, любящий жизнь со всеми её радостями и печальями...

Посмотрите-на ещё раз на весёлые фигурки и поучитесь у Наташи Ман никогда, даже в самую трудную минуту, не ныть, не плакать. И уметь смеяться. Ведь иногда для этого надо немало мужества.

А. БЕЛЯКОВА

Пётры заметки

10 лет назад врач Айше Мерал исчезла из Стамбула. Полиция сбилась с ног, разыскивая её. Только через полгода она была обнаружена на необитаемом островке Индшрили в Мраморном море. Когда-то этим островком владели пираты, потом сюда стали ссылать каторжников. На островок часто заглядывают штормы.

Живет Айше в небольшом деревянном домике. В единственной комнате домика — стол,

РОБИНЗОН МРАМОРНОГО МОРЯ

стул, керосиновая лампа, матрац с двумя одеялами, несколько

старых французских журналов и много книг. Айше охотится на диких коз, и её меткости мог бы позавидовать любой стрелок. Она ловит рыбу сетью, изготовленной своими руками. С ней живут две собаки Диана и Шоколад. У неё есть несколько овец и коз.

За десять лет она ни разу не покинула острова.

— Я сама выбрала эту жизнь, — говорит Айше, когда её спрашивают о добровольном изгнании. — Теперешние города превратились в сущий ад.

НА ДВУХ КОЛЕСАХ ЧЕРЕЗ ТРИ ЧАСТИ СВЕТА

19-летний японский студент Такафуми Огасвара решил проехать из Японии в Италию на... велосипеде! Стартовав в Токио, он на судне приплыл в Гонконг. Затем через Вьетнам, Камбоджу, Таиланд, Сингапур, Цейлон, Индию прибыл на Африканский континент. По Северной Африке Огасвара добрался до Европы. Проехав Испанию и Францию, он благополучно прибыл в Милан.

В своем необычном путешествии японский студент провёл 8 месяцев. В пути ему пришлось 17 раз сменить шины на велосипеде.

КАК «ОКОЛЬЦОВЫВАЮТ» СЛОНОВ

Поймать и окольцевать птицу сравнительно легко. А как быть со слонем, который весит до 5 тонн и в ярости может перевернуть автомобиль? Слонов... усыпляют.

Делается это так. Меткий стрелок пускает стрелу в шею слона. В наконечнике стрелы помещено особое быстроедействующее усыпляющее вещество. Действие этого вещества отличается от действия ядов, которые африканские племена применяют на охоте. Это вещество не парализует, а усыпляет животное. Че-

рез час после попадания стрелы слон осторожно опускается на землю и засыпает, словно маленький ребёнок.

Учёные в это время проводят измерения слоновой туши, ставят номер стойкой нитрокраской. Такой номер хорошо виден на расстоянии до 200 метров. Затем слону вводят противоядие, действующее через несколько минут.

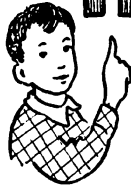
Животное просыпается и продолжает свой путь в джунглях, но уже с номером, о существовании которого и не догадывается.

...в Гатчине есть дворец, построенный из... глины? В 1798 году Павел I решил сделать Гатчину местопребыванием приора (руководителя) монашеского Мальтийского ордена. Архитектору Н. А. Львову было поручено построить дворец — Приорат. Он вырос на берегу Чёрного озера и представляет уникальное сооружение из глины. Всего два с половиной месяца потребовалось на возведение дворца. Строительным материалом служила серая глина, обработанная по специальному рецепту. Кроме глины использовался ещё местный камень. Из него сложили фундамент и сторожевые башни. Больше 150 лет стоит Приоратский дворец. Стены дворца не только не разрушаются, но с годами становятся всё крепче. Подобных памятников строительного искусства в истории мировой архитектуры известно немного.

...готовится к выходу в свет самая удивительная книга? В ней 1000 страниц из... нержавеющей стали. Вес стальной книги 1500 килограммов. Это хроника четырёхвековой истории бразильского города Сан-Паулу. Текст будет выгравирован на стальных страницах форматом 35×50 сантиметров. Стальной книге будут не страшны ни огонь, ни колебания температуры.

Знаешь ли ты, что?

...ежегодно на земле рождается около двух миллионов слонов и приблизительно столько же умирает? Долгое время учёные не могли обнаружить скелеты животных. Оказывается, стоит только слону почувствовать приближение смерти, как он идёт к реке или болоту и тонет.

...кит свободно проплывает за час 40 километров, дельфин до 60 километров? Однако все эти рекорды побивает меч-рыба. Она может развивать скорость до 97 километров в час.

...человек за 70 лет жизни выпивает и получает с пищей свыше 60 тысяч литров воды, съедает больше 11 тысяч килограммов углеводов, около 2,5 тысячи килограммов белков и почти столько же жиров?

...животные не могут плакать? Опозтизированные слёзы собак, лошадей, загнанных зверей — это не проявление их чувств, а просто усиленное орошение роговицы глаз, предохраняющее её от высыхания.

Новорождённые кашалоты имеют длину 4—4,3 метра? Через год они уже достигают 6 метров, а затем рост замедляется и ежегодно кашалоты вырастают примерно на один метр. Рост прекращается, когда они достигают возраста 23—25 лет при длине около 16 метров.

...Земля «дышит»? Это происходит под влиянием сил притяжения Луны и Солнца. Два раза в сутки москвичи, например, вместе с поверхностью планеты поднимаются и опускаются приблизительно на 50 сантиметров.

...льды составляют на Земле одну сорокатысячную её объёма и одну двухсоттысячную её массы? Если равномерно распределить льды по всей поверхности Земли, включая и океаны, то наша планета оденется в ледяную оболочку толщиной 50 метров!

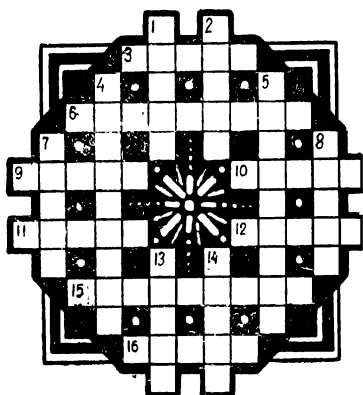
...Советский Союз по количеству пчелиных семей занимает первое место в мире? У нас около 11 миллионов ульев — это четвертая часть всего пчелиного населения планеты.

...в 1942 году на Алтае был пойман самый крупный волк, известный когда-либо натуралистам? Он весил 73 килограмма.

КРОССВОРД

Отдел ведёт В. Аментьев

По горизонтали: 3. Баловник. 6. Коллекционирование почтовых марок. 9. Заветное желание. 10. Коричневая краска, вырабатываемая «чернильным мешком» каракатицы. 11. Головной убор. 12. Внешний вид.

15. Отрезок прямой, соединяющий две вершины многоугольника. 16. Бордюр, полоса по краю ткани, отличающаяся по цвету или рисунку.

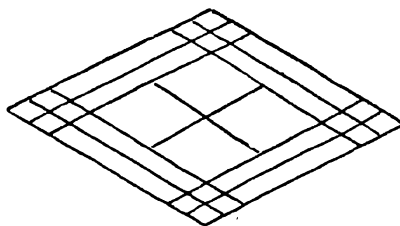
По вертикали: 1. Заход солнца. 2. Мебель. 4. Часть грамматики, изучающая сочетание слов в предложении. 5.оборот речи, состоящий в чрезмерном преувеличении чего-либо для большего впечатления. 7. Страна света. 8. Птица. 13. Хищник из семейства кошачьих. 14. Флаг, стяг.

РОМБЫ...

(Прислал Серёжа ШИШМАРЁВ)

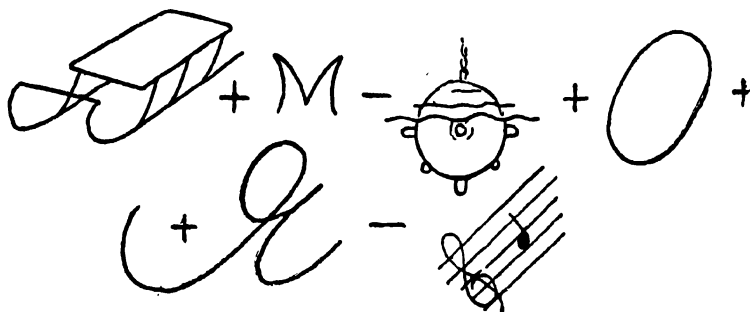
Попробуйте сосчитать, сколько на этом рисунке ромбов.

А кому это покажется слишком простым, тот может также подсчитать количество других параллелограммов...

РЕБУС «СЛОЖИ И ВЫЧТИ»

(Составила Галя ПЕТРОВА)

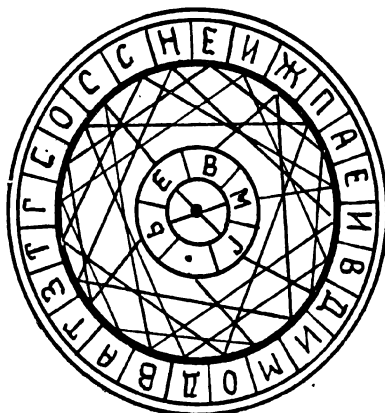

Этот ребус решается совсем так, как и обычные ребусы, только значение рисунков, идущих со знаком минус, вычитается из предшествующего текста.

ГОЛОВОЛОМКА

(Составил Серёжа ПЛЮЩЕВ)

С помощью прямых линий можно прочесть слова Максима Горького.

ЮРИНА ЗАДАЧА

(Эту задачу прислал Юра АЛЕКСЕЕВ)

$$\boxed{11} \boxed{0} \boxed{0} - \boxed{9} \boxed{9} = \boxed{1}$$

Какие цифры можно вписать в свободные клетки?

Проверь себя

(Ответы к «Искорина» № 1 и 2)
КРОССВОРД

Слева направо сверху вниз: 1. Комар. 2. Капот. 3. «Колобок». 4. Кон. 6. Канат. 10. Кубок. 11. Капитан. 14. Капор. 15. Кожух. 16. Кок.

Слева направо снизу вверх: 5. Кол. 7. Колос. 8. Комод. 9. Караван. 12. Купол. 13. Какао. 17. Котик. 18. Канал. 19. Косогор. 20. Кук.

ВПИШИТЕ ЧИСЛО

Противостоящие числа отличаются на единицу и при этом не повторяются. В секторе, противоположном свободному, стоит 16. Но 17 уже вписано, значит в свободный сектор нужно вписать 15.

УГЛЫ

12 углов.

МАГИЧЕСКИЙ КВАДРАТ

Сноп, Немо, омар, порт.

ЗВЕЗДОЧКА

90.

ГОЛОВОЛОМКА

«Всею хорошим во мне я обязан книгам».

ЗАГАДКА

Мяч—меч.

РЕБУС

Лень без соли ши хлебает.

КРОССЧАЙНВОРД

1. «Анчар». 2. Руслан. 3. Нил. 4. Лиана. 5. Астероид. 6. Диана. 7. Арена. 8. Адмирал. 9. Лазарев. 10. Вишня. 11. Ягуар. 12. Рюкзак. 13. Карузо. 14. Остап. 15. Пулемёт. 16. Тамара. 17. Астрономия. 18. Ярмарка. 19. Автобус. 20. Суриков. 21. «Волга». 22. Азбука. 23. Афри-

ка. 24. Абрикос. 25. Сирена. 26. Азов. 27. Весна.

ПО ДВЕ БУКВЫ

Если нет любви к делу, человек ни в чём не добьётся успеха.

ЗАДАЧА БУКВ

Делиб, умбра, рубеж, олово, взрыв. Из первых букв — Дуров, из последних — Бажов.

НАЙДИТЕ ОШИБКУ

Если «лыжу» и «лист» поменять местами, то предметы, сделанные руками человека, будут чередоваться с предметами природными.

ПО ТРИ БУКВЫ

«Я люблю правду без украшений».

ВОСЕМНАДЦАТЬ СЛОВ

1. Транспортёр. 2. Реторта. 3. Арбалет. 4. Турник. 5. Кран. 6. Настройка. 7. Арзамас. 8. Стюардесса. 9. Аэростат. 10. Температура. 11. Аксаков. 12. Вторник. 13. Кино. 14. Отс. 15. Сирена. 16. Автобус. 17. Сцена. 18. Аппарат.

ЧТО-ТО ТУТ НЕ ТАК...

Рисунок представляет собою прямоугольник, разбитый на 13 неправильных фигур. Внутри фигур расставлены точки: в одной — одна, в другой — две, и так до конца. Однако в одной фигуре вовсе нет точек, а вместе с тем нет фигуры с двенадцатью точками, — есть одиннадцать точек и тринадцать. Чтобы исправить рисунок, нужно найти «пустую» фигуру и поставить в ней двенадцать точек.

ЗАДАЧА С КОЛЬЦАМИ

Дело толком красно.

СОДЕРЖАНИЕ

Март. Съезд. Стихотворение М. Бакаева	1
Плавание «Лодьмы» и двух богатырей. Очерк Г. Деменчука	2
Провода. Заря. Стихи Улуро Адо	5
Букет. Рассказ Л. Ятманова	6
Украинский юмор в переводах Б. Кежуна	10
Тревоги голубого города. Повесть Л. Сёмина	11
По законам физики. Стихотворение В. Сулова	24
Подкова. Полосатые стихи. Ддли-дои. Стихи Г. Сапгира	25
А ты участвуешь в конкурсе? Статья В. Бахтина	27
Что лучше? Народная сказка	28
Сказки про Алдара-Косе. Обработка Е. Малюги	30
Торт для одинокого человека. Рассказ О. Панку-Яш	37
Дом без чёрного хода. Продолжение повести К. Курбатова	39
Герои твоих книг. Статья Э. Миронова	53
Весёлое мужество. Очерк А. Беляковой	59
Пёстрые заметки	60
Клуб смекалистых ребят	62

На 1-й странице обложки рисунок художника М. Гордона «Съезду слава!»

На 2-й странице обложки фотоочерк Г. Деменчука «Плавание «Лодьмы» и двух богатырей».

На 3-й странице обложки фотографии Г. Сафонова к очерку «Весёлое мужество».

На 4-й странице обложки рисунок-загадка художника Г. Ясинского «Были или не были?»

Редактор А. А. БЕЛЯКОВА

Адрес редакции: Ленинград, Д-23, Фонтанка 59, комн. 115
Телефон А 2-87-55

Сдано в набор 17/1 1966 г. Подписано к печати 4/III 1966 г. 4 печ. л. М-11619
Заказ № 131. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 75 000

Типография им. Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57

Весёлое мужество

Текст — на 59-й странице.

Подумайте
на "книжной неделе":

Что за герои
на рисунке этом?

Кто из героев
жил на самом деле,

А кто был выдуман
писателем, поэтом?